

ДОНСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ТОМ 4 № 5

2021

ИННОВАЦИОННАЯ НАУКА

ПСИХОЛОГИЯ

ПЕДАГОГИКА

ДЕФЕКТОЛОГИЯ

12+

INOV-PPD.RU

Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология

Учредитель – ФГБОУ ВО "Донской государственный технический университет"

Главный редактор – д. пс. н. Абакумова И. В. (ДГТУ, Россия)

Заместитель главного редактора – д. биол. н. Ермаков П. Н. (ЮФУ, Россия)

Редакционный совет

Алла Константиновна Белоусова, доктор психологических наук, профессор (Россия)

Валерий Павлович Белянин, доктор филологических наук, профессор (Канада)

Ася Суменовна Берберян, доктор психологических наук, профессор (Армения)

Марина Блувштейн, доктор философских наук, профессор (США)

Евгений Федорович Бороховский, доктор психологических наук, доцент (Канада)

Лазарь Стошич, доктор наук, профессор (Сербия)

Надежда Федоровна Ефремова, доктор педагогических наук, профессор (Россия)

Лаура Цраевна Кагермазова, доктор психологических наук, доцент (Россия)

Анатолий Викторович Карпов, доктор психологических наук, профессор (Россия)

Евгений Ефимович Несмеянов, доктор философских наук, профессор (Россия)

Ольга Савельевна Мавропуло, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Елена Александровна Макарова, доктор психологических наук, профессор (Россия)

Влада Игоревна Пищик, доктор психологических наук, профессор (Россия)

Марина Леонидовна Скуратовская, доктор педагогических наук, доцент (Россия)

Редакционная коллегия

Елена Викторовна Воробьева, доктор психологических наук, профессор (Россия)

Татьяна Ивановна Власова, доктор педагогических наук, профессор (Россия)

Максим Николаевич Дмитриев, кандидат медицинских наук, доцент (Россия)

Александр Викторович Дятлов, доктор социологических наук, профессор (Россия)

Ольга Дмитриевна Федотова, доктор педагогических наук, профессор (Россия)

Лариса Александровна Цветкова, доктор психологических наук, доцент (Россия)

Татьяна Николаевна Щербакова, доктор психологических наук, профессор (Россия)

Выпускающий и технический редактор – Евгений Александрович Проненко

Ответственные секретари –

Дарья Игоревна Попова, Маргарита Евгеньевна Беликова

Адрес редакции:

344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1, корпус 8, ауд. 8-307, editor@inov-ppd.ru

Адрес учредителя и издателя:

Донской государственный технический университет, 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

Цена распространения: бесплатно.
12+

© Донской государственный технический университет, 2021

Сайт журнала: inov-ppd.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору с сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), номер свидетельства ЭЛ № ФС 77 – 71604 от 13.11.2017 г.

Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology

Founder – Don State Technical University

Editor-in-Chief – Irina V. Abakumova (DSTU, Russian Federation)

Deputy Editor-in-Chief – Pavel N. Ermakov (SFU, Russian Federation)

Editorial Council

Alla K. Belousova (Russian Federation)

Professor, Doctor of Psychology

Valery P. Belyanin (Canada)

Professor, Doctor of Philology

Asya S. Berberyan (Armenia)

Professor, Doctor of Philology

Marina Bluvshstein (USA)

Professor, Doctor of Philosophy

Eugene F. Borokhovski (Canada)

Research Assistant Professor, Doctor of Psychology

Lazar Stošić (Serbia)

Professor, PhD

Editorial Board

Elena V. Vorobyeva (Russian Federation)

Professor, Doctor of Psychology

Tatyana I. Vlasova (Russian Federation)

Professor, Doctor of Pedagogy

Maksim N. Dmitriev, Associate professor, Candidate of Medicine (Russian Federation)

Alexander V. Dyatlov (Russian Federation)

Professor, Doctor of Sociology

Nadezhda F. Efremova (Russian Federation)

Professor, Doctor of Pedagogy

Laura Ts. Kagermazova (Russian Federation)

Associate professor, Doctor of Psychology

Anatolii V. Karpov (Russian Federation)

Professor, Doctor of Psychology

Evgenii E. Nesmeyanov (Russian Federation)

Professor, Doctor of Philosophy

Elena A. Makarova (Russian Federation)

Professor, Doctor of Psychology

Olga S. Mavropulo (Russian Federation)

Associate professor, Candidate of Pedagogy

Vlada I. Pishik (Russian Federation)

Professor, Doctor of Psychology

Marina L. Skuratovskaya (Russian Federation)

Associate professor, Doctor of Pedagogy

Tatiana N. Shcherbakova (Russian Federation)

Professor, Doctor of Psychology

Ol'ga D. Fedotova (Russian Federation)

Professor, Doctor of Pedagogy

Larisa A. Tsvetkova (Russian Federation)

Professor, Doctor of Psychology

Managing and Technical Editor – Evgeny A. Pronenko

Executive Editor – Daria I. Popova, Margarita E. Belikova

Editorial office:

344000, Rostov-on-Don, Gagarin Square,
1, building 8, aud. 8-307,

editor@inov-ppd.ru

Founder and publisher address:

Don State Technical University, 344000,
Rostov-on-Don, Gagarin Square, 1

СОДЕРЖАНИЕ

КОРРЕКЦИОННАЯ ПЕДАГОГИКА

Елена А. Мацюк

Особенности ценностного отношения к семье как фактор трансформаций ценностно-смысловой сферы у младших школьников с дисграфией и дислексией в условиях цифрового общества 6

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Диана В. Астапенко

Особенности самосознания подростков и информационного поведения в условиях цифровизации образования 23

Наталья Е. Комерова, Анастасия В. Гришина

Образ артиста у представителей профессии и любителей сценического искусства: анализ стереотипных представлений 37

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Наталья Н. Бессонова

Исследования феномена посттравматического роста у людей, переживших кризис потери работы в условиях пандемии 48

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Екатерина Г. Денисова, Яна А. Быкова

Исследование способов совладания в связи с показателями саморегуляции подростков: возрастные и гендерные особенности 60

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Елена В. Плешакова

Проблема особенности смыслового выбора супруга женщиной на этапе создании семьи 79

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

Елена С. Щербакова, Анастасия В. Гришина, Анна М. Кукуляр

Психологические особенности сотрудников строительных компаний, определяющих уровень их профессиональной успешности . . 87

CONTENTS

CORRECTIONAL PEDAGOGY

Elena A. Matsyuk

Special aspects of the values-based attitude towards the family as a factor in the transformations of the value-meaning sphere in elementary school children with dysgraphia and dyslexia within the conditions of digital society 6

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

Diana V. Astapenko

Specific features of teenagers' self-consciousness and information behavior in the conditions of digitalization of education 23

Natalia E. Komerova, Anastasia V. Grishina

The image of an artist among representatives of the profession and amateurs of performing arts: analysis of stereotypical representations 37

CLINICAL PSYCHOLOGY

Natalia N. Bessonova

Studies of the phenomenon of post-traumatic growth of people who survived the crisis of job loss in a pandemic 48

AGE-RELATED PSYCHOLOGY

Ekaterina G. Denisova, Yana A. Bykova

Coping strategies and self-regulation indicators of adolescents: age and gender differences 60

SOCIAL PSYCHOLOGY

Elena V. Pleshakova

The problem of the peculiarity of the meaning choice of a spouse by a woman at the stage of creating a family 79

LABOR PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY, COGNITIVE ERGONOMICS

Elena S. Shcherbakova, Anastasia V. Grishina, Anna M. Kukulyar

Psychological characteristics of employees of construction companies that determine the level of their professional success 87

УДК 376.3

Особенности ценностного отношения к семье как фактор трансформаций ценностно-смысловой сферы у младших школьников с дисграфией и дислексией в условиях цифрового общества

Елена А. Мацюк

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

E-mail: elenamacjuk@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8575-5845>

Лариса П. Агафонова

МАОУ «Лицей № 27 им. А. В. Суворова», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Елена Ю. Смертина

МАОУ «Лицей № 27 им. А. В. Суворова», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы влияния нарушений процессов письма и чтения у младших школьников на формирование ценностного отношения к семье как параметра развития смысловой сферы личности у этой категории обучающихся. Научная новизна состоит в проведении сравнительного анализа характеристик ценностно-смысловой сферы у учащихся 8–10 лет с дисграфией, дислексией и их сверстников без речевых расстройств. Во **Введении** рассматриваются особенности формирования ориентаций на семейные ценности у обучающихся 8–10 лет с дисграфией и дислексией, представляющих широкую категорию среди учеников общеобразовательных школ в связи с внедрением программ инклюзивного образования и процесса цифровизации современного общества. В разделе **Методы** описаны процедура диагностики состояния устно-речевой и письменно-речевой деятельности посредством логопедических методов и психометрического эксперимента: оценка уровня сформированности процессов чтения и письма по средствам методики Т. А. Фотековой, Т. В. Ахутиной и характеристик межличностных отношений в семье при выполнении проективного теста «Рисунок семьи». В разделе **Результаты** представлены результаты эмпирического исследования. Полностью подтвердилось предположение о наличии специфики характеристик межличностного отношения в семье у младших школьников с дисграфией и дислексией, наиболее выраженных по категориям тревожность, конфликтность, враждебность, чувство

неполноценности в семье. В разделе **Обсуждение результатов** полученные данные были сравнены с результатами исследований о взаимосвязи психологических особенностей младших школьников с дисграфией и дислексией и специфики характеристик ценностного отношения к семье у этой категории детей. В **Выводах** делается заключение о том, что результаты исследования особенностей межличностных отношений в семье младших школьников с дисграфией и дислексией позволяют описать трансформации смысловой сферы таких учеников и дать практические рекомендации по гармонизации развития и оптимизации обучения этой категории школьников.

Ключевые слова

семейные ценности, ценностно-смысловая сфера, дисграфия, дислексия, младшие школьники

Для цитирования

Мацюк Е. А., Агафонова Л. П., Смертина Е. Ю. Особенности ценностного отношения к семье как фактор трансформаций ценностно-смысловой сферы у младших школьников с дисграфией и дислексией в условиях цифрового общества // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2021. Т. 4, № 5. С. 6–22. doi: <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-5-6-22>

Special aspects of the values-based attitude towards the family as a factor in the transformations of the value-meaning sphere in elementary school children with dysgraphia and dyslexia within the conditions of digital society

Elena A. Matsyuk

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

E-mail: elenamacjuk@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8575-5845>

Larisa P. Agafonova

MAOU "Lyceum No. 27 named after. A. V. Suvorov", Rostov-on-Don, Russian Federation

Elena Y. Smertina

MAOU "Lyceum No. 27 named after. A. V. Suvorov", Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

This article considers the questions of writing and reading disorders of elementary school children influence a values-based attitude formation towards the family as a parameter of the personality meaning sphere developmental growth in this category of students. The scientific novelty lies in the comparative analysis of the value-meaning sphere characteristics in 8–10 aged students with dysgraphia, dyslexia, and peers without speech disorders. The **Introduction** examines the special aspects of the formation of the orientations towards family values in students aged 8–10 years with dysgraphia and dyslexia. They account for a wide category among students of general education schools in connection with the advent of inclusive education programs and the digitalization of modern society. The **Methods** section describes the procedure for diagnosing the state of verbal-speech and writing-speech activity using speech therapy methods and a psychometric experiment: an appraisal of the level of formation of the processes of reading and writing using the methods by Fotekova T. A., and Akhutina T. V. and the characteristics of interpersonal relations in the family when performing the projective test "Family drawing". The **Results** section describes the findings of the empirical research. The assumption about the presence of specific characteristics of the interpersonal relations in the family in elementary school children with dysgraphia and dyslexia was fully confirmed. They were most pronounced in the following categories: anxiety, proneness to conflict, hostility, feelings of inferiority in the family. The **Discussion** of results section describes the comparison of the obtained data with the results of other studies. These studies examined the relationship between the psychological characteristics of elementary school children with dysgraphia and dyslexia and the specifics of the characteristics of the value-based attitude towards the family in this category of children. The **Conclusions** section shows that the results of the study of the special aspects of interpersonal relations in the family of elementary school children with dysgraphia and dyslexia make it possible to describe the transformations of the meaning sphere of such students. This also makes it possible to give practical recommendations for the harmonization of development, and optimization of education for this category of school children.

Keywords

family values, value-meaning sphere, dysgraphia, dyslexia, elementary school children

For citation

Matsyuk E. A., Agafonova L. P., Smertina E. Yu. Special aspects of the values-based attitude towards the family as a factor in the transformations of the value-meaning sphere in elementary school children with dysgraphia and dyslexia within the conditions of digital society. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 4(5), 6–22. doi: <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-5-6-22>

Введение

Система ценностей, которыми обладает человек, служит интегральной характеристикой, задающей вектор развития индивидуально-психологических особенностей личности, формирующей её устойчивость и целостность. Важнейшей ценностью в жизни человека, по мнению ряда исследователей, является семья, а межличностное взаимодействие в семье, как первичной малой группе общества в целом, значительно влияет на формирование структуры личности (Грязнов, 2020; Ефимова, Левых, 2020).

Поколение современных молодых родителей, воспитывающих детей младшего школьного возраста, выступает новой моделью личности, сформировавшейся в эпоху атрибутов информационного общества и внутриличностные конструкты людей этого поколения (ценности, интересы, мировоззрение) образовались, в том числе, под влиянием цифровых технологий. Однако нет данных, свидетельствующих об отсутствии традиционных семейных ценностей в системе ценностных установок молодых родителей, адаптированной к изменившимся условиям. Напротив, по мнению социолога Рональда Инглхарта, между социоэкономическим окружением и ценностными приоритетами нет отношений непосредственного регулирования и базовые ценности личности отражают условия, доминировавшие в, так называемые, «формативные годы» – предшествовавшие периоду зрелости (Inglehart, 2018). Этот вывод подтверждается результатами опросов, проведённых в последние годы в нашей стране, показавших, что большинство молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет сочли семью, любовь, образование, свободу и дружбу – наиболее важными ценностями, а 60 % респондентов указали семью и воспитание как источники ценностей для человечества (Фактор, Камолов, Никандрова, 2018). Вместе с тем, была обнаружена недостаточная сформированность самих представлений современной молодёжи о семейных ценностях: духовные и всеобъемлющие ценности зачастую подменяются категориями «витального чувства» (Мурзина, 2018). Есть мнение, что в современном социуме демократического общества, рассматриваемом как общество знаний с преобладанием людей, привыкших думать самостоятельно, основную ценность имеет общественная модель самовыражения (Inglehart, 2018). Такая среда развития влияет на характеристики ценностно-смысловой сферы современных детей.

Развитие ценностного отношения к семье, по мнению ряда исследователей (Д. И. Божович, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. В. Запорожец, В. Н. Мясищев) закладывается именно в младшем школьном возрасте, от условно – рефлекторного уровня, характеризующегося первичными положительными или отрицательными реакциями на раздражители, до собственно-духовного уровня, когда общественные и семейные законы и традиции превращаются во внутреннее регулятивное поведение. Начиная с эмоционального восприятия ситуации

в семье, постепенно ребёнок осознаёт свою сопричастность к ней и на последнем этапе соотносит ценность семьи с другими значимыми для него ценностями, – подчеркивал В. А. Ядов (Ядов, 2013). Интенцию этому развитию, по мнению Н. Е. Щурковой, даёт устойчивая связь ребёнка как субъекта общения, с семьёй как объектом окружающего мира, выступающая в социальном значении (Щуркова, 2002). Таким образом, формирование ценностного отношения к семье затрагивает осознание и проработку глубинных личностных смыслов, в результате которой ребёнку, по мере накопления жизненного опыта, предстоит выработать для себя личностные ценности, содержащие в себе смысловое, эмоционально переживаемое отношение к жизни.

Согласно теории Б. С. Братуся, способность личности ценностно относить себя к миру людей, и миру в целом, и является первым результатом формирования у личности ценностно- смысловой сферы (Братусь, 1999). С одной стороны, дети младшего школьного возраста наиболее подвержены восприятию и отражению мнения взрослых, влияющего на их личностные качества, убеждения, смысловую сферу, востребованность в обществе, но с другой, оказавшись в новой социальной роли, связанной с положением школьника, попадают в более сложную, в содержательном плане, систему отношений со сверстниками и взрослыми, повышается уровень осознанности последствий своих действий и действий окружающих, возникают интенции развития прогностической функции, – подчёркивают исследователи (Kuznetcova, Akhmetzyanova, Nigmatullina, Kurbanova, 2017). В период начального школьного обучения перестраиваются и детско-родительские отношения в связи с тем, что у ребёнка появляются новые обязанности, со стороны родителей к нему предъявляются новые требования.

Противоречивость системы ценностей, сформированной у родителей и учителей, отсутствие единой концепции воспитания, недостаточное внимание к проблемам становления ценностных отношений, ориентированность на знания как на основной результат образования, создают значительные трудности в становлении ценностных отношений у младших школьников. Гармонизация выстраивания собственной системы ценностей у детей возможна только при организованном взаимодействии семьи и школы, инициатором которого должна выступать школа как структура, обладающая большими педагогическими возможностями, понимающая необходимость и значимость такой работы, умеющая расположить к себе родителей и правильно психологически их настроить.

Однако беспрецедентные вызовы, встающие перед системой образования, связанные с цивилизационными процессами и возросшей частотой возникновения ситуаций неопределённости в обществе, таких как пандемия Covid-19, вызывают динамичные трансформации образовательного пространства, уже находящегося в процессе реформации под влиянием инновационных процессов и идей гуманизации. Процессы динамичных изменений социальной жизни детей

и подростков в связи с ограничениями живого общения, увеличением массовой доли цифровых форматов в организации обучения, накладываются на поэтапное внедрение инклюзивных форм образования в России. «Современная школа становится институтом формирования новых ценностей: детей готовят к партнёрскому, доброжелательному отношению к детям, имеющим разные образовательные потребности», – указывают И. В. Абакумова и соавторы (Абакумова, Ермаков, Косикова, 2016, с. 30). Автор разработок дифференцированных образовательных стандартов для детей с речевыми расстройствами Г. В. Чиркина, предложила использование понятия «особые образовательные потребности» в отношении способностей к обучению детей с проблемами в развитии (Чиркина, 2012). Учёный подчёркивала, что включение в систему общего образования детей, имеющих определённые особенности развития, требует учёта не только ведущего нарушения, но и личностного, интеллектуального и психофизического развития в целом, от которых зависит прогноз интеграции такого обучающегося в социум. Актуальность изучения личностных особенностей детей, имеющих симптомы дисграфии и/или дислексии, обусловлена несколькими причинами: во-первых, это проблемы с дальнейшей социализацией ребенка; во-вторых – это непрерывно растущее количество детей в России и в мире с подобными нарушениями (Rello, 2014; O'Hare, 2010; Klim-Klimaszewska, Nazaruk, 2018; Заваденко, 2016).

Сложившаяся в образовании ситуация приводит современную дидактику к поиску новых технологий, которые соответствовали бы компетентностной парадигме образования и в то же охватывали детей с особыми образовательными потребностями в противовес знаниевому методу.

Ещё в 1970-х годах начался поиск образовательных систем, имеющих целью не просто передачу опыта и знаний, но способных создать такие условия, чтобы происходило «формирование такой картины мира в совместной деятельности со взрослыми и сверстниками, которая бы обеспечивала ориентацию личности в различного рода жизненных ситуациях, в том числе в ситуациях неопределённости», – отмечал в своих работах выдающийся отечественный психолог А. Г. Асмолов (Асмолов, 2013, с. 9). Идея об образовании, наделенном смыслом, была высказана в работах А. Г. Асмолова, Б. С. Братусь, Е. В. Субботского, Л. С. Цветковой и др. (Асмолов и др., 1979). Уже в середине 80-х годов сформировалась новая научная дисциплина – смыслодидактика: дидактика, обращённая к смысловым структурам личности и представленная психологическим содержанием, преломленным через дидактическую структуру. На исследование смыслообразования в учебном процессе выводит сама логика развития психологии и дидактики – подчёркивают учёные. Через уроки, способствующие смысловому развитию, можно отслеживать и описывать развитие ребёнка (Абакумова, Ермаков, Фоменко, 2013). В контексте смыслодидактической концепции развитие следует понимать как «смыслообразование», как «расширяющийся

смысл», – отмечает Абакумова И. В., а смысловое развитие ребёнка является той глобальной целью, которая позволит ему выйти за пределы «актуального Я» к «Я потенциальному». «Абсолютной ценностью образования сегодня является «ребёнок как человек, личность с её смысловой стержневой структурой, внутренним «Я», – подчеркивает И. В. Абакумова (Абакумова, 2008, с. 102).

Особенности развития вызывают трансформации формирования смысловой сферы. Смыслодидактической школой Абакумовой И. В. накоплен потенциал теоретических и эмпирических исследований, рассматривающих не только факторы, инициирующие смыслообразование в учебном процессе у здоровых подростков, юношей и девушек, но и различные видоизменения смысловых образований у детей с ограниченными возможностями развития, имеющими нулевой уровень смыслов: у неслышащих юношей и девушек, детей с коммуникативными расстройствами при нарушениях поведения аутистического спектра и гиперактивности. Однако недостаточность данных наблюдается в исследованиях особенностей развития смысловой сферы у младших школьников с речевыми расстройствами. В то время как именно расстройства речи, как психической деятельности, требующей полимодальной мозговой организации и наиболее чувствительной к повреждающим воздействиям, широко представлены среди популяции младших школьников и ранжируются от лёгкой речевой недостаточности до тяжёлых расстройств языковой способности, препятствующих нормальному развитию коммуникативного поведения, овладению школьными навыками и социализации ребёнка. Нами получены данные, свидетельствующие об особенностях самоотношения у младших школьников с дисграфией, дислексией, которые способствуют проблемам социальной адаптации этих обучающихся (Мацюк, 2021). Расширяя границы исследования смысловой сферы младших школьников с дисграфией и дислексией, была предпринята попытка рассмотреть становление ценностных установок по отношению к семье как первичной малой группе. Это позволит, по нашему мнению, характеризовать особенности формирования группоцентриций как параметра развития смысловой сферы у категории младших школьников с речевыми расстройствами.

Методы

Эмпирического исследование, проведенное на базах МАОУ «Лицей № 27 им. А. В. Суворова» г. Ростова-на-Дону и МБОУ «Школа № 22» г. Ростова-на-Дону, было направлено на выявление особенностей ценностного отношения к семье у младших школьников с дисграфией и дислексией как фактора развития ценностно-смысловой сферы в младшем школьном возрасте.

Объектом сравнительного исследования являлись младшие школьники с нарушениями письма и чтения и их сверстники без расстройства школьных навыков в возрасте от 8 до 11 лет. Методику исследования составили 2

экспериментальные серии, направленные на подтверждение или опровержение гипотезы о влиянии дисграфии и дислексии на специфику ценностного отношения к семье как фактора развития ценностно- смысловой сферы в младшем школьном возрасте. Выборку составили 65 младших школьников (29 мальчиков и 36 девочек) в возрасте 8–11 лет.

Наблюдение за речью детей в учебной и внеучебной деятельности, предшествовавшее проведению экспериментальной части, и беседа с учителем начальных классов позволили сделать предварительные выводы о сформированности коммуникативного поведения, состоянии монологической и диалогической формы устной речи испытуемых.

В I серии эксперимента и была использована тестовая методика экспресс-диагностики письменной речи младших школьников Т. А. Фотековой, Т. В. Ахутиной (Фотекова, Ахутина, 2018). На основании обработки результатов тестирования, оценивались навыки языкового и звукового анализа, сформированность процессов письма и чтения.

Во II серии проводилась проективная методика «Рисунок семьи» (Бодаев, Столин, Аванесов, 2006) направленная на диагностику внутрисемейных отношений. Исследовались следующие характеристики межличностных отношений в семье: благоприятная семейная ситуация, тревожность, конфликтность в семье, чувство неполноценности и враждебность в семье.

Результаты

Количественный анализ результатов методики I серии – теста Т. А. Фотековой, Т. В. Ахутиной (Фотекова, Ахутина, 2018) выявил у 37 % детей дисграфические и дислексические расстройства.

По итогам проведения проективной методики «Рисунок семьи» во II серии эксперимента, обучающиеся были распределены на 3 группы: 1 группа – младшие школьники с дисграфией, дислексией, рисунки которых имели особенности – 37 % от общего количества участвующих в тесте; 2 группа – младшие школьники без речевых расстройств, но со специфическим выполнением теста – 29 %. У школьников третьей группы (34 % обучающихся) не выявлено речевых расстройств, и интерпретация рисунков свидетельствовала о переживании детьми эмоционального благополучия в семье.

В группеобучающихся с дисграфией и дислексией максимальные показатели были зафиксированы по следующим характеристикам межличностных отношений: средний уровень тревожности – у 58 % школьников, низкий – у 34 %; конфликтность на высоком уровне у 12 % учеников, на среднем уровне – у 55 %; 43 % детей этой группы ощущают умеренно-выраженное, а 12 % – острое чувство неполноценности в семье. Интересно распределились результаты по показателям враждебность в семье и чувство неполноценности в семье: около половины

КОРРЕКЦИОННАЯ ПЕДАГОГИКА

обучающихся этой группы испытывают умеренно-выраженную враждебность в семье (49 %), однако, практически столько же школьников с дисграфией (46 %) продемонстрировали низкий уровень этого показателя. Чувство неполноценности в семье ощущают 43 % школьников этой группы, но 45 % такого чувства не испытывают. Благополучие в семье, по результатам теста, ощущают 88 % школьников. Первичные данные представлены в таблице 1.

Таблица 1
Выраженность признаков межличностного отношения в семье у младших школьников с дисграфией и дислексией.

Показатели признаков межличностного отношения к семье					
Уровень показателя признаков	Благополучие в семье	Тревожность в семье	Конфликтность в семье	Чувство неполноценности в семье	Враждебность в семье
Высокий	4	8	12	12	5
Средний	88	58	55	43	49
Низкий	8	34	33	45	46

Иные выводы можно сделать о работах школьников, не имеющих нарушения письма и чтения. Лидирующие показатели группе обучающихся без расстройств школьных навыков, как и у школьников с дисграфией и дислексией, по критерию умеренно выраженная тревожность (64 %). При этом, обращает на себя внимание тот факт, что дети, проживающие в благополучной социальной среде и обучающиеся в математическом лицее, продемонстрировали значительный показатель умеренно-выраженной конфликтности (63 %). Существенные отличия в результатах тестирования двух групп наблюдаются по показателям «чувство неполноценности в семье» – средний уровень лишь у 31 %, а 69 % школьников не испытывают неполноценности, и «враждебность в семье», где средний уровень зафиксирован у 11 %, а 89 % – не испытывают враждебности. Показатель благополучия в семья также высок, как и у школьников с дисграфией – умеренно-выраженный уровень благополучия в семье зафиксирован по итогам теста у 89 % обучающихся.

Таблица 2

Выраженность признаков межличностного отношения в семье у младших школьников без нарушений письма и чтения.

Показатели признаков межличностного отношения к семье (%)					
Уровень показателя признаков	Благополучие в семье	Тревожность в семье	Конфликтность в семье	Чувство неполноценности в семье	Враждебность в семье
Высокий	11	5	5		
Средний	89	64	63	31	11
Низкий	0	31	32	69	89

Примечательно, что преобладание умеренно выраженной тревожности было зафиксировано у этих же обучающихся при исследовании особенностей самоотношения, посредством интерпретации результатов проективной методики «Автопортрет» в 2020 г. Тогда умеренно – выраженная тревожность была выявлена практически у половины школьников без расстройств школьных навыков (47%), а в группе обучающихся с дисграфией и дислексией этот показатель отмечался у 59% детей (Мацюк, 2021).

Сравнительный анализ результатов теста показал, что в обеих группах фиксируется достаточно высокий показатель по среднему уровню тревожности и конфликтности. При этом, в обеих группах не оказалось детей, которые бы воспринимали атмосферу в семье как неблагоприятную. Более того, выявлено практически идентичное совпадение в показателях восприятия подавляющим большинством детей уровня благополучия семьи как среднего. Существенные расхождения отмечаются по критериям «чувство неполноценности в семье» и «враждебность», где у благополучно обучающихся школьников выявлен невысокий уровень враждебности и неполноценности в семье, а у детей с дисграфией и дислексией эти показатели иные: более половины из них испытывают чувство враждебности в семье и почти половина детей группы – умеренно-выраженное чувство неполноценности в семье.

Обсуждение результатов

Давая оценку характеристикам основных параметров эмоционального отношения к семье у младших школьников с дисграфией, можно диагностировать

следующее: умеренно- выраженные показатели практически по всем характеристикам, свидетельствующим о неблагополучии (тревожность, конфликтность, чувство неполноценности, враждебность в семье) наблюдаются в среднем у половины группы школьников с нарушениями письма и чтения, при том, что эти же учащиеся в подавляющем большинстве оценивают ситуацию в семье как благополучную. Следует отметить, что при проведённом нами исследовании особенностей самоотношения у этой же группы детей, посредством проективной методики «Автопортрет», были зафиксированы показатели, также свидетельствующие о наличии внутреннего конфликта: высокий уровень социальных притязаний в сочетании со страхами и тревожностью, выраженная зависимость (в большей степени от матери) и защитная позиция в сочетании проявлениями компенсаторной агрессии. Это, по нашему мнению, связано с трудностями в стадиях созревания «Я» школьников с дисграфией и нарушением нормального механизма адаптации. Своеобразие процесса формирования устойчивой внутренней позиции у этой категории детей характеризуется задержкой в формировании системных новообразований психики младшего школьного возраста: мотивационных установок (Долгова, Зиборова, Петриченко, 2018) и самосознания. Отталкиваясь от выводов И. В. Абакумовой, о том, что становление способности к саморефлексии и есть смысловое развитие ребёнка, можно сделать заключение о влиянии задержки в формировании осознанности своего социального «Я» детьми младшего школьного возраста с нарушениями письма и чтения на процесс формирования группоцентричности и, прежде всего, ценностного отношения к семье как к первичной малой группе общества в целом.

Следуя за логикой процесса освоения младшими школьниками нравственных ценностей (Кильдюшова, Валеева, 2015) и учитывая психологические особенности младших школьников с нарушениями письма и чтения, полученные результаты можно интерпретировать как наличие ретардации процессуального аспекта освоения детьми нравственных ценностей: присваивая ценности семьи и продуцируя своё ценностное отношение к обществу, дети этой категории застревают на этапе преобразования своего «Я» по отношению к родным, проектирования своей роли в жизни семьи и в конечном счёте в развитии от «актуального Я» к «Я потенциальному» как главного показателя смыслового развития ребёнка. Знания о семейных ценностях и умение их дифференцировать натапливаются на трудности действительности ценностного отношения к семье, неумения оперировать понятиями не только в решении практических задач, но даже при воссоздании воображаемой ситуации.

Лидирующие показатели тревожности среди прочих характеристик объясняются, на наш взгляд, сочетанием внутриличностных факторов, таких как внутренний конфликт, и внешних (условия семейного воспитания, взаимодействия с учителем и сверстниками), что подчёркивала в своих исследованиях

А. М. Прихожан (Прихожан, 2009). Одной из ведущих причин высокого уровня тревожности у школьников с дисграфией и дислексией, по нашему мнению, стоит считать указанную выше несформированность внутренней позиции школьника, препятствующую благоприятному эмоциональному фону и автономности от авторитетного взрослого (учителя), что подчеркивает в своих исследованиях Лубовский Д. В. (Лубовский, 2014). Школьники 8–10 лет с нарушениями письма и чтения, находятся в группе риска по развитию когнитивных дефицитов, поскольку учебная нагрузка, подкрепляемая ежедневным использованием цифровых устройств, влияет непосредственно на неокрепшие психические процессы, провоцируя школьный стресс, сопряженные с ним нарушения эмоционально-личностного развития. Влияние учебной нагрузки на незрелые психические процессы, внедрение в ежедневную жизнь цифровых устройств повышает риск развития когнитивных дефицитов у школьников этой группы, что подчеркивает в своих исследованиях Безруких М. М. (Безруких, 2009). Эти показатели тревожности в семье можно связать с результатами последних исследований, говорящих о сохраняющейся тенденции «педагогизации» взаимодействия родителей с ребёнком, ориентации лишь на его узкокогнитивное развитие, потери позиции безусловного принятия и лишение эмоциональной близости и поддержки (Горлова, Константинова, 2018).

Результаты исследования характеристик межличностного отношения в семье у младших школьников с дисграфией и дислексией и их сравнительный анализ с исследованием особенностей самоотношения у этой же группы детей приводят к выводу о неразрывной связи процесса овладения навыками письма и чтения не только с эмоционально-волевой сферой и особенностями самооценки, но и распространяются в дальнейшем на процессуальный аспект освоения детьми семейных ценностей, как этапом развития ценностно-смысловой сферы личности ребёнка, следующим за первоначальным формированием способности к саморефлексии. Влияние нарушений письма и чтения на процесс становления ценностного отношения к семье заслуживает дополнительного изучения и верификации.

Выводы

Подтвердилась гипотеза исследования о специфике становления ценностного отношения к семье у младших школьников с дисграфией и дислексией. Результаты проведения методики «Рисунок семьи» показали наличие умеренно-выраженной тревожности, конфликтности, чувства неполноценности и враждебности в семье.

Данные, полученные в результате выполнения методики «Рисунок семьи» обучающимися с дисграфией и дислексией, коррелируют с исследованиями причин возникновения тревожности, особенностей формирования внутренней

позиции школьника и возникновения внутреннего конфликта у детей младшего школьного возраста.

Достаточно высок процент детей (63 %), у которых при благополучных социальных условиях развития и отсутствии расстройств школьных навыков по результатам методики выявлена тревожность и конфликтность в семье. Это свидетельствует о невротических реакциях, внутреннем конфликте.

Поскольку, выявленные нами особенности становления ценностно- смысловой сферы коррелируют с результатами выполнения теста по исследованию критериев самоотношения у детей с дисграфией и дислексией, можно предположить, что диапазон изменений в смысловой сфере у младших школьников с нарушениями письма и чтения значительно шире, чем было зафиксировано по результатам проективной методики «Рисунок семьи». Особенности смысловой сферы этой категории детей нуждаются в дальнейшем исследовании и верификации.

Расширяя границы исследования смысловой сферы младших школьников с дисграфией и дислексией, целесообразно осуществить изучение социальной приспособленности и взаимоотношений с окружающими (сверстниками, учителями) для дальнейшего исследования сферы межличностных отношений.

Анализ и систематизация результатов исследования самоотношения и отношения к окружающим (сверстникам, близким родственникам, учителям) у младших школьников с дисграфией и дислексией позволит дать характеристики особенностям смысловой сферы этой категории обучающихся и составить практические рекомендации по гармонизации развития и оптимизации обучения этой категории школьников.

Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов.

Литература

Абакумова, И. В. (2008). *Смыслодидактика: учебное пособие для магистрантов отделений педагогики и психологии*. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ.

Абакумова, И. В., Ермаков, П. Н., Косикова, Л. В. (2016). *Смысловая сфера подростков: особенности развития в условиях включенного обучения*. М.: КРЕДО.

Абакумова, И. В., Ермаков, П. Н., Фоменко, В. Т. (2013). *Новодидактика. Книга 4*. М.: КРЕДО.

Асмолов, А. Г. (2013). Вариативное образование в изменяющемся мире: социокультурная перспектива (тезисы о том, какой быть начальной школе). *Образование и наука*, 8(107), 3–13.

Асмолов, А. Г., Братусь, Б. С., Зейгарник, Б. В., Петровский, В. А., Субботский, Е. В., Хараш, А. У., Цветкова, Л. С. (1979). О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности. *Вопросы психологии*, 4, 35–47.

Безруких, М. М. (2009). *Трудности обучения в начальной школе: причины, диагностика, комплексная помощь*. М.: Эксмо.

Бодалев, А. А., Столин, В. В., Аванесов, В. С. (2000). *Общая психодиагностика*. СПб.: Изд-во «Речь».

Братусь, Б. С. (1999). Смысловая вертикаль сознания личности. *Вопросы философии*, 1, 81–89.

Горлова, Е. Н., Константинова, В. Ю. (2018). Родительское отношение к детям с разным уровнем тревожности, обучающимся в первом классе. В *Психологические проблемы современной семьи. Сборник материалов VIII международной научно-практической конференции* (С. 879–885). Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет.

Грязнов, С. А. (2020). Пути формирования семейных ценностей у младших школьников. *Педагогические и социальные вопросы образования*, 8, 150–159.

Долгова, О. И., Зиборова, Е. В., Петриченко, С. И. (2018). Способы формирования стойкой мотивации на групповых занятиях в системе комплексной нейрореабилитации у детей с различными формами дисграфии, дислексии в рамках интенсивного курса. В *Чтение в цифровую эпоху: Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции Российской ассоциации дислексии* (С. 103–108). М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина.

Ефимова, О. Е., Левых, Н. Н. (2020). Формирование представлений о семейных ценностях у младших школьников. *Научно-методический журнал «Поиск»*, 4(72), 38–40.

Заваденко, Н. Н. (2016). Школьная дезаптация в нейрорепедиатрической практике. *Практика педиатра*, 3, 60–70.

Кильдюшова, П. Е., Валеева, Р. А. (2015). К вопросу о формировании у младших школьников ценностного отношения к семье. *Современные проблемы науки и образования*, 3, 282–288.

Лубовский, Д. В. (2014). Феноменология и динамика развития внутренней позиции современных младших школьников. *Психологическая наука и образование*, 2, 50–67.

Мацюк, Е. А. (2021). Особенности принятия себя у младших школьников с нарушениями письма и чтения в условиях цифровизации образования. *Мир науки. Педагогика и психология*, 9(2), 16.

Мурзина, Ю. С. (2018). Представления молодежи о семейных ценностях. В *Психологические проблемы современной семьи: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции* (С. 530–538). Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет.

Прихожан, А. М. (2009). *Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст*. 2-е изд. СПб.: Питер.

Фактор, А. М., Камолов, С. Г., Никандрова, А. А. (2018). Человеческие ценности в цифровую эпоху. *Моделирование, оптимизация и информационные технологии*, 6–2(21), 83–103.

Фотекова, Т. А., Ахутина, Т. В. (2018). *Диагностика речевых нарушений школьников: практическое пособие. 3-е изд., испр. и доп.* М.: Юрайт.

Чиркина, Г. В. (2012). Проблема обучения детей с нарушениями речи в контексте их особых образовательных потребностей. *Учёные записки*, 2, 155–166.

Щуркова, Н. Е. (2002). *Педагогическая технология*. М.: Педагогическое общество России.

Ядов, В. А. (2013). *Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд.* М.: Центр Социального Прогнозирования и Маркетинга.

Inglehart, R. F. (2018). *Cultural Evolution. Peoples motivations are changing and reshaping the world*. Cambridge: Cambridge University Press.

Klim-Klimaszewska, A., Nazaruk, S. (2018). Early assessment of the risk of dyslexia and dysgraphia among children aged 5-6 in the aspect of educational and therapeutic work of kindergartens. In *Society. Integration. Education. Proceedings of the International Scientific Conference* (pp. 558–573). Rezekne: Rēzeknes Tehnoloģiju Akadēmija.

Kuznetcova, E. A., Akhmetzyanova, A. I., Nigmatullina, I. A., Kurbanova, A. T. (2017). Prognostic competence as a factor of successful socialization of children with deficiency of development: statement of the problem. *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication*, 7, 1128–1133.

O'Hare, A. (2010). Dyslexia: what do paediatricians need to know? *Occasional Review*, 20(7), 338–343. doi: <https://www.doi.org/10.1016/j.paed.2010.04.004>

Rello, L. (2014). Design of Word Exercises for Children with Dyslexia. *Procedia Computer Science*, 27, 74–83. doi: <https://www.doi.org/10.1016/j.procs.2014.02.010>

References

Abakumova, I. V. (2008). *Meaning didactics: textbook for masters of the departments of pedagogy and psychology*. Rostov-on-Don: Publishing House of the South Federal University. (in Russ.).

Abakumova, I. V., Ermakov, P. N., Fomenko, V. T. (2013). *Novodidactics. The Book 4*. Moscow: CREDO. (in Russ.).

Abakumova, I. V., Ermakov, P. N., Kosikova, L. V. (2016). *The meaning sphere of adolescents: features of development in the conditions of inclusive learning*. Moscow: CREDO. (in Russ.).

Asmolov, A. G. (2013). Variable education in a changing world: a socio-cultural perspective (theses on what an elementary school should be like). *Education and Science*, 8(107), 3–13. (in Russ.).

Asmolov, A. G., Bratus', B. S., Zejgarnik, B. V., Petrovskij, V. A., Subbotkij, E. V., Harash, A. U., Cvetkova, L. S. (1979). On some perspectives of research of meaning formations of personality. *Psychology issues*, 4, 35–47. (in Russ.).

- Bezrukih, M. M. (2009). *Learning difficulties in primary school: causes, diagnosis, comprehensive assistance*. Moscow: Eksmo. (in Russ.).
- Bodalev, A. A., Stolin, V. V., Avanesov, V. S. (2000). *General psychodiagnostics*. St. Petersburg: Publishing House "Rech". (in Russ.).
- Bratus', B. S. (1999). The meaning vertical of personality consciousness. *Philosophy Issues, 1*, 81–89. (in Russ.).
- Chirkina, G. V. (2012). The problem of teaching children with speech disorders in the context of their special educational needs. *Lecture notes, 2*, 155–166. (in Russ.).
- Dolgova, O. I., Ziborova, E. V., Petrichenko, S. I. (2018). Methods for the formation of persistent motivation in group lessons in the system of complex neurorehabilitation in children with various forms of dysgraphia, dyslexia within the intensive course. In *Reading in the digital age: proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference of the Russian Association for Dyslexia* (pp. 103–108). Moscow: Pushkin State Russian Language Institute. (in Russ.).
- Efimova, O. E., Levyh, N. N. (2020). Formation of ideas about family values among younger students. *Scientific and methodical journal «Poisk», 4(72)*, 38–40. (in Russ.).
- Faktor, A. M., Kamolov, S. G., Nikandrova, A. A. (2018). Human values in the digital age. *Modeling, optimization and information technology, 6–2(21)*, 83–103. (in Russ.).
- Fotekova, T. A., Ahutina, T. V. (2018). *Diagnosis of speech disorders in schoolchildren: a practical guide. 3rd ed., rev. and add.* Moscow: Yurayt. (in Russ.).
- Gorlova, E. N., Konstantinova, V. Yu. (2018). Parental attitude towards children with different levels of anxiety studying in the first grade. In *Psychological problems of the modern family. Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference* (pp. 879–885). Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (in Russ.).
- Gryaznov, S. A. (2020). Ways of forming family values in younger students. *Pedagogical and Social Issues of Education, 8*, 150–159. (in Russ.).
- Inglehart, R. F. (2018). *Cultural Evolution. Peoples motivations are changing and reshaping the world*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kildyushova, P. E., Valeeva, R. A. (2015). On the question of the formation of a value attitude towards the family in primary schoolchildren. *Modern problems of science and education, 3*, 282–288. (in Russ.).
- Klim-Klimaszewska, A., Nazaruk, S. (2018). Early assessment of the risk of dyslexia and dysgraphia among children aged 5-6 in the aspect of educational and therapeutic work of kindergartens. In *Society. Integration. Education. Proceedings of the International Scientific Conference* (pp. 558–573). Rezekne: Rēzeknes Tehnoloģiju Akadēmija.
- Kuznetcova, E. A., Akhmetzyanova, A. I., Nigmatullina, I. A., Kurbanova, A. T. (2017). Prognostic competence as a factor of successful socialization of children with deficiency of development: statement of the problem. *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication, 7*, 1128–1133.

Lubovsky, D. V. (2014). Phenomenology and dynamics of the development of the internal position of modern primary schoolchildren. *Psychological Science and Education*, 2, 50–67. (in Russ.).

Matsyuk, E. A. (2021). Features of self-acceptance among primary schoolchildren with writing and reading disorders in the context of digitalization of education. *The World of Science. Pedagogy and Psychology*, 9(2), 16. (in Russ.).

Murzina, Yu. S. (2018). Young people's ideas about family values. In *Psychological problems of the modern family: proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference* (pp. 530–538). Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (in Russ.).

O'Hare, A. (2010). Dyslexia: what do paediatricians need to know? *Occasional Review*, 20(7), 338–343. doi: <https://www.doi.org/10.1016/j.paed.2010.04.004>

Prihozhan, A. M. (2009). *Psychology of anxiety: pre-school and school age. 2nd ed.* St. Petersburg: Piter. (in Russ.).

Rello, L. (2014). Design of Word Exercises for Children with Dyslexia. *Procedia Computer Science*, 27, 74–83. doi: <https://www.doi.org/10.1016/j.procs.2014.02.010>

Shhurkova, N. E. (2002). *Pedagogical technology*. Moscow: Pedagogical Society of Russia. (in Russ.).

Yadov, V. A. (2013). *Self-regulation and prediction of social behavior of a person: a dispositional concept. 2nd extended ed.* Moscow: The Center for Social Forecasting and Marketing. (in Russ.).

Zavadenko, N. N. (2016). School deaptation in neuropsychiatric practice. *Pediatrician practice*, 3, 60–70. (in Russ.).

УДК 159.9

Особенности самосознания подростков и информационного поведения в условиях цифровизации образования

Диана В. Астапенко

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

E-mail: astapenko.diana@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8784-7789>

Аннотация

В статье представлен обзор теоретических обоснований и практических исследований самосознания подростков. Обозначены ключевые моменты для дальнейших исследований. Новизна исследования заключается в исследовании работ, посвящённых цифровому пространству, как новой области социальной реальности, формирующей самосознание молодого поколения. Становится актуальным вопрос о характерных чертах самосознания у молодых людей и влиянии виртуальной среды на него. Несмотря на имеющиеся данные о самосознании подростков, в условиях цифровизации образования, времени, проведенного не в сети, становится всё меньше, появляются недостаточно изученные проблемы коммуникации и социализации. Во **Введении** раскрываются причины необходимости нового взгляда на изучение самосознания. В первую очередь это изменение социальной среды подростков, включающей в себя цифровое пространство, в которое они погружаются в свободное время, и повсеместная цифровизация образования. Обозначена важность подросткового периода в процессе формирования самосознания и дальнейшего становления собственной («Я-концепции»). В **Теоретическом обосновании** автор, опираясь на культурно-историческую концепцию Л. С. Выготского, сделал обзор эмпирических исследований, посвященных становлению самосознания в контексте социальной среды. Далее рассматриваются средовые факторы, влияющие на самосознание молодых людей. Информационная среда, изменившая различные области социальной реальности, оказывает влияние на трансформацию ценностно-смысловой сферы подростков. Отмечена социальная значимость изучения самосознания современной молодёжи, как залога психического здоровья, удовлетворенности жизнью. Далее обозначены работы, посвященные проблематике клипового мышления у подростков, изменения в когнитивной, эмоциональной сферах. В **Обсуждении результатов** подчёркивается важность изучения самосознания молодых людей в условиях цифровизации образования, как феномена, приобретающего новые черты.

Ключевые слова

самосознание, подростки, цифровизация образования, многозадачность, социальная среда

Для цитирования

Астапенко Д. В. Особенности самосознания подростков и информационного поведения в условиях цифровизации образования // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2021. Т. 4, № 5. С. 23–36. doi: <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-5-23-36>

Specific features of teenagers' self-consciousness and information behavior in the conditions of digitalization of education

Diana V. Astapenko

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

E-mail: astapenko.diana@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8784-7789>

Abstract

The review of theoretic supports and practical research of teenage self-consciousness are presented in this article. Main key points are indicated for further research. The novelty of research lies in study of works, devoted to digital environment as new area of social reality, which forms self-consciousness of young generation. The question about characteristic features of self-consciousness of young people and the influence of virtual environment on it, is evident nowadays. Despite of existing data on self-consciousness of teens in condition of educational digitalization, time out of net is growing shorter, poor-studied problems with communication and socialization arise. In **Introduction** the reasons of necessity in new view on self-consciousness research are disclosed. In the first place it is changing of teenager's social environment, which includes digital environment, where they spend all their free time, and widespread of educational digitalization. The importance of adolescence in formation process of self-consciousness and further development of personal "self-concept" is definitely marked. In **Theoretical support** the author, based on cultural-historical conception by L. Vygotskiy, reviewed empirical research, devoted to investigation of identity formation in the context of social environment. Then, the environmental factors, which influence on self-consciousness of younger people, are discussed. Information environment, which has changed different areas of social reality, influences on transformation of teenage sphere of personality values and senses. It is worth noting the social importance of studying self-consciousness of modern youth, as godliness and satisfaction of life.

Works, devoted to problem of clip mentality among teens, changes in cognitive and emotional spheres, are shown below. In "**Discussion**" section the importance of self-consciousness research of young people in condition of digitalization of education is underlined, as phenomena, acquiring new features.

Keywords

self-consciousness, teenagers, digitalization of education, multitasking, social environment

For citation

Astapenko D.V. Specific features of teenagers' self-consciousness and information behavior in the conditions of digitalization of education. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 4(5), 23–36. doi: <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-5-23-36>

Введение

Наблюдая огромную цифровизацию в современном мире, появляется необходимость пересмотра и трансформации различных областей нашей жизни. В обществе наблюдается изменение ценностей, формирование новых идеалов, образцов социального поведения, появление новых профессий, на которые были принято ориентироваться предшествующим поколениям. Актуальным становится вопрос об особенностях самосознания подростков. Современная социальная среда замещается виртуальной, границы реального и виртуального смещаются. Согласно культурно-исторической концепции Л. В. Выготского социальная среда формирует личность, влияя на развитие высших психических функций. Безусловно сложившаяся социальная реальность интериоризируется юношами и девушками, делая это поколение сильно отличающимся от предыдущих поколений. Самосознание современного подростка приобретает новые категории для осмысления. Существует угроза, что современные молодые люди не самоосознают себя как отдельного субъекта, растворяясь в цифровом мире.

Термин самосознание очень обширный, и включает в себя различные характеристики представлений о себе личности. Самосознание – это познание себя, своих действий, мыслей, как субъекта, осуществляющего деятельность, так и через осознание мотивов своих действий. Все компоненты самосознания взаимосвязаны друг с другом и объединены в единую «Я-концепцию», которая определяет личность. Согласно этим представлениям, личность проявляется в социальной жизни, выбирает приемлемые для себя социальные роли, стратегии поведения. Через самосознание происходит понимание своих жизненных приоритетов, осознание планов на будущее, взглядов на окружающий мир.

Важным периодом в процессе формирования самосознания является подростковый возраст. Задачи нормального развития подростка формирование собственной «Я-концепции» в процессе самосознания. Его принято считать

переходным этапом между детской зависимостью от родителей и взрослой независимостью. В это время проявляется ослабление привязанности к родителям, расширение социального взаимодействия с другими взрослыми и сверстниками, поиск собственных жизненных ориентиров, своего призвания, становление свой картины мира. В подростковом возрасте происходит гормональная перестройка в организме. Возрастают требования со стороны родителей и общества. Под грузом ожиданий и требований подросток оказывается в очень уязвимом положении.

Важно понять и изучить особенности самосознания современных молодых людей, как поколения, испытывающего на себе большое влияние информационной среды.

Последние годы изменили количество времени нахождения в цифровом пространстве. Многие сферы жизни переносятся в онлайн, в большой степени образование, работа, торговля, реклама. Социальный мир становится доступным, не выходя из комнаты. По мнению И. С. Кона, внутренний мир формируется путём присвоения внешних форм социальной деятельности, преобразуясь в самосознание (Кон, 1984). В современном мире, в связи с открытостью и быстрым доступом к любой информации, подросток находится в ситуации сложного выбора. Актуальным становится вопрос о понимании того, из чего складывается самосознание современного подростка.

Теоретическое обоснование

Проблема самосознания

В трудах отечественных психологов Л. С. Выготского (1997), А. Н. Леонтьева (1975) под самосознанием понимается самоотношение личности. То, как личность себя определяет, осознаёт. Процесс самосознания происходит в течение жизненного пути человека, и неотделим от его социальных взаимодействий. Согласно культурно-исторической теории Л. С. Выготского, самосознание личности развивается в определённом социальном контексте. Самосознание себя человеком отражается представлением о своём жизненном пути, согласно собственным целям (Выготский, 1997). А. Н. Леонтьев характеризует самосознание личности как осознание себя в контексте общественных отношений (Леонтьев, 1975). В этих концепциях предполагается взаимосвязь развития самосознания и социальной жизни, деятельности, осознание характера этого взаимодействия.

В своих работах И. С. Кон, изучая феномен самосознания личности, предлагает разделить понятие «Я» на субъект и объект самопознания. Когда познавательный интерес направляется на собственное «Я» человека, тогда он превращается в объект познания. Понятие самосознания многопланово, и включает различные элементы. При рассмотрении этого феномена, И. С. Кон предлагает разделять компоненты самоописаний, отвечающие на вопрос «Кто

Я» и «Какой Я», помогающие описать себя. Структура упомянутых компонентов строится из очередности представления их в сознании, субъективной значимости, степени согласованности друг с другом. Компоненты образа «Я» измеряются устойчивостью представлений о себе, уверенностью в себе, самоуважением, и легкостью или трудностью изменения представлений о себе. Также учитывается фокус внимания, а именно представленности в сознании образа «Я» и его отдельных элементов, сконцентрированности внимания на них (Кон, 1984).

Согласно культурно-исторической концепции Л. С. Выготского, самосознание отдельной личности является становящимся во времени процессом. Один этап взросления сменяется другим, и на его базе происходит формирование следующего. Самосознание – это процесс накопления знаний о себе, интеграция их в общую картину, осознание, затем интериоризация всех представлений. Самосознание, как осознание себя в единстве всех проявлений и вынесение суждений о себе. Л. С. Выготский писал о различии самосознания у подростков разных социальных групп. Человек не развивается в вакууме, он всегда погружён в определённую среду. Развитие самосознания происходит в процессе усвоения культурного содержания среды (Выготский, 1997).

Самосознание подростков и средовые факторы

В исследовании Гилемхановой Э. Н. особенностей личностной организации подростков из разных социальной-экономических сред, были получены результаты о значимых различиях в личностных характеристиках. Исследование проводилось среди 200 подростков мужского и женского пола. 100 из них учатся в школе с высоким уровнем социально-экономического благополучия, и 100 из школы с невысоким уровнем социально-экономического благополучия. Участникам исследования было предложено заполнить многофакторный личностный опросник Кеттела. Были получены выводы, что между подростками из экономические благополучной и относительной неблагополучной среды имеются достоверные различия по личностным особенностям. В экономически благополучном районе у подростков более высокий уровень ответственности за своё поведение, более высокий уровень целеустремлённости и аккуратности. Можно предположить, что среда с высоким социально-экономическим уровнем повышает мотивацию к личным достижениям. Также в исследовании было показано, что подростки из социально-благополучных районов имели открытые и доверительные отношения с родителями. Подростки могли свободно высказывать своё мнение, отстаивать свои интересы, размышлять о своих целях, говорить о проблемах и трудностях. В связи с этим подростковый кризис проходил более сглажено, был отмечен более высокий уровень успешной социализации (Фухрутдинова, Гилемханова, 2019). Благополучная среда удовлетворяет базовую потребность

в безопасности, даёт возможность к реализации собственных способностей, создаёт условия для усвоения наиболее эффективных паттернов поведения.

У подростков из менее благополучного, в социально-экономическом плане, района, отмечена более высокая склонность к депрессии, тревожность, нетерпимость к ситуациям фрустрации, меньшая стрессоустойчивость и высокий уровень эмоциональной неуравновешенности (Фухрутдинова, Гилемханова, 2019). Данные условия негативно влияют на формирование личности.

Выявленные различия в личностных характеристиках подростков позволяют сделать вывод о том, что социальная среда влияет на формирование личностной организации (Фухрутдинова, Гилемханова, 2019), что подтверждает культурно-историческую концепцию Л. С. Выготского.

Первым социальным окружением, с которым сталкивается человек, является его семья. Именно здесь возникают первые представления о себе, полученные со слов близких людей. Многочисленные исследования говорят о роли матери в формировании собственного образа, характера, личностных особенностей, типа межличностных взаимоотношений, которые будут использоваться в течение жизни.

Результаты исследования, проведённого в 2019 году, показали, что привязанность к матери, понимающаяся как сильная эмоциональная связь между матерью и ребёнком, формирует чувство защищённости, безопасности и определяет социальное поведение личности. Подростки с эмоциональной привязанностью к матери показали более позитивное отношение к себе. В подростковом возрасте формируется социальный интеллект. Под социальным интеллектом понимается личностное качество, развивающееся в старшем подростковом возрасте, способствующее способности понимать мысли, оценивать поступки, и чувства других людей (Дубинина, 2019). По мнению М. А. Калиновской, данное личностное свойство помогает трансформации подросткового самосознания во взрослое (Калиновская, 2011).

В подростковом возрасте происходит выбор будущей профессии, подготовка к выпускным экзаменам в школе и вступительным в ВУЗ. Подросток оказывается под влиянием многих стрессогенных факторов. В этот период среди молодых людей характерно проявление агрессивного поведения. Возможными предпосылками агрессивного поведения является нарушения в эмоциональной сфере. Сильные эмоции, чувства, переживания обостряются у подростков. Одним из актуальных направлений в психологии является изучение эмоционального интеллекта.

У подростка, погруженного в виртуальное пространство, страдает эмоциональный интеллект, так как невозможно испытать полноценно эмоции в виртуальном мире, потому что они не сопровождаются экспрессивным и вербальным компонентом.

В исследовании самоотношения в подростковом и юношеском возрасте И. В. Арндачук были показаны динамические изменения в показателях самоотношения на протяжении разных возрастных периодов подросткового и юношеского развития. В исследовании приняли участие 113 человек, использовалась методика «Тест-опросник самоотношения» В. В. Столина и С. Р. Пантелеева. Становление самосознания происходит наиболее интенсивно в подростковом возрасте. В этот период происходит развитие компонентов самоотношения: самоуважение, самопринятие, самоинтерес и ориентация на отношения с другими людьми. Развивается рефлексивность, позволяющая лучше понять себя, свои сильные и слабые стороны, принятие себя как целостной личности. Присутствует потребность в оценках от значимых других для становления собственного представления о себе. В момент перехода от подросткового возраста к юношескому развивается самопонимание, саморуководство. Становится более понятна собственная система ценностей и убеждений. Формируется способность управлять собственными эмоциями, действовать целенаправленно и последовательно, согласно внутренним устремлениям. Согласно полученным данным, самосознание подростков – это целостная система отношений, состоящая из отношения к собственному «Я» и понимания себя, обусловленного референтным окружением (Арндачук, 2017).

Цифровизация образования

Под цифровизацией понимается переход на цифровую передачу данных с помощью цифровых устройств. Данное социальное явление получило повсеместное распространение во второй половине 20 века. Многие исследователи отмечают, что такой поворот имеет как положительный, так и отрицательный характер. С одной стороны, цифровизация стирает территориальные границы между людьми, с другой, вызывает опасения из-за проникновения во все сферы жизни человека и перемещения её в интернет пространство. Появляется новый средовой фактор – информационная среда. Учитывая огромную цифровизацию, появляется необходимость пересмотра и трансформации различных областей. В статье посвященной анализу современной системы высшего образования (Моһан, 2021), автор пишет об упадке культуры в современном обществе и подчеркивает первостепенное значение реформации системы образования.

Сферу образования также затронули изменения, связанные с цифровизацией. В 2017-м году вышел указ «О Стратегии развития информационного общества РФ на 2017-2030 гг.». В нём рассмотрены основные положения о формировании пространства знаний, об обеспечении безопасности, модернизации и просвещения, информационного суверенитета, цифровой грамотности, при этом сохранения ценностно-смыслового содержания российской культуры (Лисенкова, 2018).

Педагоги и психологи в своих работах (Лисенкова, 2018, Батенова, Герасимова, 2020) поднимают вопрос об изменении процессов коммуникации, социализации в связи с развитием информационных технологий. На современном этапе развития общества цифровизация имеет большое влияние на культуру и общество. Школьники различных возрастов подвержены воздействию цифрового мира. Дети младшего школьного возраста в большей мере находятся под контролем своих родителей в то время, как подростки требуют больше свободы и независимости, в том числе снижается контроль за выходом в интернет.

Проект «Современная образовательная среда России» создан для формирования единого информационного пространства. Он позволяет приобрести подготовку в различных областях знаний, сформировать дополнительные навыки и компетенции (Лисенкова, 2018). Онлайн курсы сейчас пользуются большой популярностью среди различных возрастных групп. В подростковом период особую актуальность приобретают онлайн курсы по подготовке к ЕГЭ и вступительным экзаменам. Кроме того, такие курсы используются в дополнение к основной образовательной программе. Их задача: расширение кругозора, подача учебного материала в игровой форме в виде загадок, квестов, что способствует вовлечению в учебный процесс. В таких занятиях используются видео-презентации, звуковое сопровождение и другие цифровые технологии.

Профессор Г. Л. Тульчинский разрабатывает концепцию социокультурного инженеринга, как отдельного вида интегрированного, междисциплинарного научного подхода, направленного на научно-экспертную рефлексию, прогнозирование и создание на этой основе актуальных образовательных программ (Лисенкова, 2018).

Особенности информационного поведения подростков

За последние двадцать лет сеть «Интернет» прочно вошла в наш повседневный мир. Современные дети с раннего возраста самостоятельно учатся пользоваться интернет-браузерами. К подростковому возрасту обычно возрастает количество времени, которое человек проводит в режиме онлайн. Это могут быть социальные сети, развлекательные платформы, игры. В связи с этим, в психологии актуальными становятся исследования интернет-зависимости.

Подросток, находящийся в процессе личностного становления, часто становится жертвой иллюзорного мира, предлагаемого на экране. Как упоминалось ранее, в данной среде отсутствует реальное социальное взаимодействие. При выходе из цифрового мира, подростку становится сложно выстраивать взаимоотношение со своими сверстниками.

Под информационным поведением понимается совокупность действий, направленных на поиск, сбор и использование информации (Панов, Борисенко,

Миронова, Шишкова, 2021). Исследовательский интерес к понятию информационного поведения обусловлен формированием новой цифровой образовательной среды. И. Н. Погожиной был предложен термин цифрового поведения, под которым понимается «перечень характеристик, описывающих активность пользователей в цифровой среде в виде целостной системы действий, связанных с особенностями коммуникативной, когнитивной, мотивационной и эмоциональной сфер человека» (Погожина, Подольский, Идобаева, Подольская, 2020, с. 62).

Изменения, происходящие в социокультурном мире, поднимают вопрос об особенностях информационного поведения подростков и влиянии информационного пространства на формирование личности. Многие исследователи пишут о формировании особой индивидуальной среды, включающей в себя семейную среду, образовательную, виртуальную (Панов, Борисенко, Миронова, Шишкова, 2021). Происходит взаимопроникновение виртуального и реального мира, управление реальным через виртуальное.

Современных подростков относят к «поколению Z», рождённых в период распространения Интернета и цифровых технологий. Актуальным становится вопрос об трансформации когнитивной сферы «поколения Z».

Марцинковская Т. Д. пишет о том, что для молодого поколения преобладающим является визуальный способ восприятия информации (Марцинковская, 2010). Разнообразные картинки, фотоизображения, смайлы стали способом передачи информации и, зачастую, эмоций, заменив текстовые послания. Поиск информации в интернете, отличающийся от традиционного чтения, характерен быстрым переключением внимания с разных источников, беглым чтением, быстрым принятием решений о достоверности информации. Как результат, формируется фрагментарный образ. Материал усваивается частями, а не полностью (Нечаев, Дурнева, 2016). Формируется проблематика клипового мышления. Клиповое мышление, как процесс отражения разнообразных свойств предмета, характеризуется фрагментарностью, сложностью построения цельной картины мира, постоянным переключением между информацией. При клиповом мышлении возникают проблемы с установлением причинно-следственных связей между разными объектами (Поляков, Белозерова, Вершинина, Данилов, Кривцова, 2020). В исследовании (Oswald, Rumbold, Kedzior, Moore, 2021) также подтверждается снижение концентрации внимания у современных подростков при большом количестве времени, проведенного за экраном.

В работах И. В. Лысак говорится о перспективе того, что вследствие широкого распространения информационно-коммуникационных технологий, у современного поколения снижается произвольная словесно-логическая память, и, под влиянием общей визуальной культуры, развивается образная (Лысак, Белов, 2013).

Л. А. Белозерова и С. Д. Поляков, анализируя трансформационные процессы в когнитивной сфере «поколения Z», делают выводы о том, что влияние цифровых технологий на когнитивные особенности подрастающего поколения нельзя трактовать однозначно. В психологии ряд исследователей сходятся во мнении о положительном результате использования интернета, другие пишут о его негативной роли в формировании психики и личности. Из-за постоянного использования информационных технологий, возможно формирование изменений в когнитивной сфере, приводящих к трудностям в традиционной модели обучения. Авторы статьи подчёркивают, что описанные трансформации в познавательной сфере учащихся ставят вопрос о новых методах обучения, которые будут соответствовать особенностям современных юношей и девушек (Белозерова, Поляков, 2021).

С точки зрения психофизиологических особенности внимания в подростковом возрасте, для его поддержания обязательно составлять учебную программу с применением особых педагогических приемов, формирующих интерес к учебному материалу, во время уроков моделировать ситуации, дающие возможность самоутверждения подростков (Воробьева, Кайдановская, 2017).

О том, что многозадачность характеризует жизнь современных подростков, пишут зарубежные исследователи (Ettinger, Cohen, 2020). Одновременное прослушивание музыки и набор текстового сообщения совмещается с активностью в социальных сетях. Такая многозадачность негативно сказывается на академической успеваемости (Кокос, 2021). Использование социальных сетей во время занятий и при выполнении домашних заданий приводит к снижению концентрации внимания.

Обсуждение результатов

1. Современные подростки являются уникальным поколением, застающим на своём пути трансформацию системы образования. На сегодняшний день открытым остается вопрос будущего учебного процесса, каким оно будет, останутся ли привычные нам формы аудиторных занятий. В период пандемии постоянно присутствует момент неопределённости, связанный с тем, где будут проходить занятия на следующей неделе (в «онлайне» или «офлайне»), как лучше подготовиться к семинарам, будут ли дискуссии в аудитории или нужно сделать презентацию для онлайн платформы. Дальнейшего изучения требует характер взаимодействия между учениками в новой цифровой образовательной среде, новые методы преподавания для поколения, ориентированного на визуальную подачу информации.
2. Многие исследователи отмечают изменения в когнитивной, эмоциональной сфере и коммуникационных особенностях молодых людей в

связи с вовлеченностью в виртуальный мир. Существует угроза того, что, растворяясь в цифровом мире, не формируется представление о себе, как об отдельном субъекте, ответственным за своё будущее, образование, жизнь. Необходимо изучение влияния эпохи виртуальных технологий на самосознание подростков.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

- Арендачук, И. В. (2017). Самоотношение в структуре самосознания подростков и юношей. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*, 17(4), 434–438. doi: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2017-17-4-434-438>
- Батенова, Ю. В., Герасимова, А. Ю. (2020). Развитие эмоционального интеллекта детей в условиях цифровизации информационной среды. *Экopsихологические исследования-6: экология детства и психология устойчивого развития*, 7, 422–426. doi: <https://doi.org/10.24411/9999-044A-2020-00097>
- Белозерова, Л. А., Поляков, С. Д. (2021). Трансформация когнитивной сферы детей «цифрового поколения»: опыт анализа. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*, 10(1), 23–32. doi: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-1-23-32>
- Воробьева, Е. В., Кайдановская, И. А. (2017). *Психофизиология детей и подростков: учебное пособие*. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет.
- Выготский, Л. С. (1997). *Вопросы детской психологии*. СПб.: Союз.
- Дубинина, А. С. (2019). Связь эмоциональной привязанности к матери и социального поведения подростков. *Мир науки. Педагогика и психология*, 7(3), 33.
- Калиновская, М. А. (2011). Особенности социального интеллекта и выбора стратегий поведения подростков. *Молодой ученый*, 3(26), 88–91.
- Кон, И. С. (1984). *В поисках себя. Личность и её самосознание*. М.: Политиздат.
- Леонтьев, А. Н. (1975). *Деятельность. Сознание. Личность*. М.: Политиздат.
- Лисенкова, А. А. (2018). Вызовы и возможности цифровой эпохи. *Российский гуманитарный журнал*, 7(3), 217–222. doi: <https://doi.org/10.15643/libartrus-2018.3.4>
- Лысак, И. В., Белов, Д. П. (2013). Влияние информационно-коммуникационных технологий на особенности когнитивных процессов. *Известия Южного Федерального Университета. Технические науки*, 5(142), 256–264.
- Марцинковская, Т. Д. (2010). Информационная социализация подростков. *Образовательная политика*, 4(42), 30–35.
- Нечаев, В. Д., Дурнева, Е. Е. (2016). «Цифровое поколение»: психолого-педагогическое исследование проблемы. *Педагогика*, 1, 36–45.
- Панов, В. И., Борисенко, Н. А., Миронова, К. В., Шишкова, С. В. (2021).

Поведение подростков в цифровой образовательной среде: к определению понятий и постановке проблемы. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*, 10(3), 188–196. doi: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-3-188-196>

Погожина, И. Н., Подольский, А. И., Идобаева, О. А., Подольская, Т. А. (2020). Цифровое поведение и особенности мотивационной сферы интернет-пользователей: логико-категориальный анализ. *Вопросы образования*, 3, 60–94. doi: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-3-60-94>

Поляков, С. Д., Белозерова, Л. А., Вершинина, В. В., Данилов, С. В., Кривцова, Н.С. (2019). «Клиповое мышление» у старшеклассников и студентов: опыт исследования. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 4, 126–143.

Фухрутдинова, Л.Р., Гилемханова, Э.Н. (2019). Особенности личностной организации подростков в контексте социально-экономического благополучия образовательной среды. *Мир науки. Педагогика и психология*, 7(2), 64.

Ettinger, K., Cohen, A. (2020). Patterns of multitasking behaviours of adolescents in digital environments. *Education and Information Technologies*, 25(4), 623-645. doi: <https://doi.org/10.1007/s10639-019-09982-4>

Kokoc, M. (2021). The mediating role of attention control in the link between multitasking with social media and academic performances among adolescents. *Scandinavian Journal of Psychology*, 62(4), 449–667. doi: <https://doi.org/10.1111/sjop.12731>

Mohan, B. (2021). Analects of Higher Education. *Academia Letters*, 1221. doi: <https://doi.org/10.20935/AL1221>

Oswald, T. K., Rumbold, A. R., Kedzior, S. G. E., Moore, V. M. (2021). Psychological impacts of “screen time” and “green time” for children and adolescents: A systematic scoping review. *PLoS ONE*, 15(9), e0237725. doi: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0237725>

References

Arendachuk, I. V. (2017). Self-Attitude in the Structure of Self-Consciousness of Teenagers and Adolescents: the Dynamics Development. *News of Saratov University. A new series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 17(4), 434–438. doi: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2017-17-4-434-438> (in Russ.).

Batenova, J. V., Gerasimova, A. Y. (2020). Development of emotional intelligence of children under conditions of digitalization of information media. *Ecopsychological research-6: ecology of childhood and psychology of sustainable development*, 7, 422–426. doi: <https://doi.org/10.24411/9999-044A-2020-00097> (in Russ.).

Belozerova, L. A., Polyakov, S. D. (2021). Transformation of the cognitive sphere of “digital generation” children: Experience analysis. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Educational Achmeology. Developmental Psychology*, 10(1), 23–32. doi: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-1-23-32> (in Russ.).

Dubinina, A. S. (2019). Communication of emotional attachment to his mother and the social behavior of adolescents. *The world of science. Pedagogy and psychology*, 7(3), 33. (in Russ.).

Ettinger, K., Cohen, A. (2020). Patterns of multitasking behaviours of adolescents in digital environments. *Education and Information Technologies*, 25(4), 623-645. doi: <https://doi.org/10.1007/s10639-019-09982-4>

Fakhrutdinova, L. R., Gilemkanova, E. N. (2019). Features of the personal organization of adolescents in the context of socio-economic well-being of the educational environment. *The world of science. Pedagogy and psychology*, 7(2), 64. (in Russ.).

Kalinovskaya, M. A. (2011). Features of social intelligence and choice of adolescent behavior strategies. *Young scientist*, 3(7), 88–91. (in Russ.).

Kokoc, M. (2021). The mediating role of attention control in the link between multitasking with social media and academic performances among adolescents. *Scandinavian Journal of Psychology*, 62(4), 449–667. doi: <https://doi.org/10.1111/sjop.12731>

Kon, I. S. (1984). *In search of himself. Personality and its self-awareness*. Moscow: Politizdat. (in Russ.).

Leontiev, A. N. (1975). *Activity. Conscience. Personality*. Moscow: Politizdat. (in Russ.).

Lisenkova, A. A. (2018). Challenges and opportunities of the digital age. *Russian Humanitarian Journal*, 7(3), 217–222. doi: <https://doi.org/10.15643/libartrus-2018.3.4> (in Russ.).

Lysak, I. V., Belov, D. P. (2013). The influence of information and communication technologies on the features of cognitive processes. *News of the South Federal University. Technical sciences*, 5(142), 256–264. (in Russ.).

Marcinkovskaya, T. D. (2010). Informational socialization of adolescents. *Educational policy*, 4(42), 30–35. (in Russ.).

Mohan, B. (2021). Analects of Higher Education. *Academia Letters*, 1221. doi: <https://doi.org/10.20935/AL1221>

Nechaev, V. D., Durneva, E. E. (2016). "Digital generation": a psychological and pedagogical study of the problem. *Pedagogy*, 1, 36–45. (in Russ.).

Oswald, T. K., Rumbold, A. R., Kedzior, S. G. E., Moore, V. M. (2021). Psychological impacts of "screen time" and "green time" for children and adolescents: A systematic scoping review. *PLoS ONE*, 15(9), e0237725. doi: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0237725>

Panov, V. I., Borisenko, N. A., Mironova, K. V., Shishkova, S. V. (2021). Behavior of adolescents in the digital educational environment: towards the definition of concepts and problem statement. *News of Saratov University. A new series. Series: Acmeology of Education. Psychology of Development*, 10(3), 188–196. doi: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-3-188-196> (in Russ.).

Pogozhina, I. N., Podolsky, A. I., Idobaeva, O. A., Podolskaya, T. A. (2020). Digital behavior and features of the motivational sphere of Internet users: logical-categorical

analysis. *Questions of education*, 3, 60–94, doi: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-3-60-94> (in Russ.).

Polyakov, C. D., Belozerova, L. A., Vershinina, V. V., Danilov, S. V., Krivtsova, N. S. (2019). Clip thinking" in high school students and students: research experience. *Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology*, 4, 126–143. (in Russ.).

Vorobeva, E. V, Kaydanovskaya, I. A. (2017). *Psychology of children and adolescents: an educational lesson*. Rostov-on-Don: South Federal University. (in Russ.).

Vygotskiy, L. S. (1997). *Questions of child psychology*. St. Petersburg: Soyuz. (in Russ.).

УДК 159.99

Образ артиста у представителей профессии и любителей сценического искусства: анализ стереотипных представлений

Наталья Е. Комерова*, Анастасия В. Гришина

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

*E-mail: komerova.nata@gmail.com

*ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7129-3320>

Аннотация

Статья посвящена изучению образа профессионального артиста посредством исследования стереотипных представлений о наличии, либо отсутствии определенных личностных качеств, что дает основания для анализа влияния стереотипов о профессии на восприятие личности в целом. Новизна заключается в рассмотрении стереотипных представлений самих артистов о том, какими качествами должен обладать «типичный» представитель актерской профессии. **Во введении** рассматриваются основные представления о личности профессионального артиста. Проанализированы исследования зарубежных и отечественных ученых в области психологии творчества, сценического искусства. Выводы театральных педагогов, искусствоведов, режиссеров имеют огромную практическую ценность для осмысления личности артиста и сценической деятельности в контексте психологической науки. Основными **методами** исследования выбраны «Анкета биполярных профилей» Т. Г. Стефаненко (в модификации Гришиной А. В., Комеровой Н. Е.) и анализ полученных данных с помощью статистического критерия U-Манна-Уитни. **Результаты** сравнительного анализа исследования двух групп (артистов профессионального театра и любителей сценического искусства) позволили выявить наиболее характерные для представителей профессии артиста условно «положительные» и условно «отрицательные» качества. Проведена оценка схожести и различия мнений респондентов относительно наличия данных качеств у «типичного» актера. В **Обсуждении результатов** сделаны выводы, что представления об образе артиста у обеих групп испытуемых схожи в части наличия у профессионального артиста высокого эмоционального интеллекта, оптимизма, эмоциональной возбудимости, высокой работоспособности, но имеют различия относительно таких свойств личности, как высокая самооценка, лень, тщеславие, пессимизм. Получены статистически значимые различия в оценке уровня тщеславия у представителей профессии. Так, профессиональные артисты считают, что артист менее тщеславен и более ленив, чем его оценивают любители сценического искусства.

Ключевые слова

образ артиста, профессиональный актер, стереотипные представления, восприимчивость, искусство, творчество, профессия, тщеславие

Для цитирования

Комерова Н. Е., Гришина А. В. Образ артиста у представителей профессии и любителей сценического искусства: анализ стереотипных представлений // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2021. Т. 4, № 5. С. 37–47. doi: <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-5-37-47>

The image of an artist among representatives of the profession and amateurs of performing arts: analysis of stereotypical representations

Natalia E. Komerova, Anastasia V. Grishina

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

*E-mail: komerova.nata@gmail.com

*ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7129-3320>

Abstract

The article is devoted to the study of the image of a professional artist through the study of stereotyped ideas about the presence or absence of certain personal qualities. The novelty lies in the consideration of the stereotypical ideas of the artists themselves about what qualities a "typical" representative of the acting profession should have. The **Introduction** examines the basic ideas about the personality of a professional artist. Analyzed the research of foreign and domestic scientists in the field of psychology of creativity, performing arts. So, the study of the artist's personality mainly took place in the plane of art and creativity. The conclusions of theater teachers, art historians, directors are of great practical value for understanding the personality of an artist and stage activity in the context of psychological science. The main research methods were selected "Questionnaire of bipolar profiles" by T. G. Stefanenko (modified by A. V. Grishina, N. E. Komerova) and analysis of the data obtained using the U-Mann-Whitney statistical test. The **Results** of a comparative analysis of the study of two groups (artists of professional theater and amateurs of theatrical art) made it possible to identify the conditionally "positive" and conditionally "negative" qualities most characteristic of the representatives of the artist's profession. The assessment of the similarities and differences of opinions of the respondents regarding the presence of these qualities in a "typical" actor was carried out. In the **Discussion**, it was concluded that the ideas about the image of an artist in both groups of subjects are similar in terms of the presence of a professional artist of high emotional intelligence, optimism, emotional excitability, high performance, but they have

differences regarding such personality traits as high self-esteem, laziness, vanity, pessimism. Statistically significant differences were obtained in assessing the level of vanity among representatives of the profession. For example, professional artists believe that an artist is less vain and lazier than lovers of performing arts estimate him.

Keywords

artist image, professional actor, stereotypes, receptivity, art, creativity, profession, vanity

For citation

Komerova N. E., Grishina A. V. The image of an artist among representatives of the profession and amateurs of performing arts: analysis of stereotypical representations. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 4(5), 37–47. doi: <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-5-37-47>

Введение

Изучение образа профессионального артиста в контексте стереотипных представлений весьма интересная и актуальная область для исследования, поскольку она позволяет узнать наиболее общие представления людей об определенных аспектах человеческой жизни. Воздействие стереотипов на восприятие действительности, мышление человека, а, следовательно, и на его поведение очень велико. С одной стороны, это облегчает жизнь и избавляет от необходимости постоянной оценки и анализа ситуации, а с другой – не позволяет увидеть реальную картину действительности. Как правило, такие представления складываются из устойчивого общественного мнения, слухов и теорий, не имеющих конкретного подтверждения в действительности. Таким образом, под стереотипными представлениями в данной статье будем понимать устойчивое мнение относительно какого-либо явления, человека или профессии, сформированное в условиях недостаточной информации, другими словами «житейские представления».

Личность профессионального артиста, понимается нами как стереотипный образ, объединяющий в себе наиболее общие эстетические (внешний вид, одежда, невербальные средства выражения), личностные и поведенческие свойства, а также эмоционально-чувственную составляющую. Личность актера всегда «окутана» неким «ореолом загадочности», актерская деятельность всегда порождает много вопросов, а актер возводится в ранг «звезды» определенного эталона, в связи с чем, в этой области сосредоточено множество вопросов и домыслов, что порождает исследовательский интерес. С одной стороны артист – это профессия, а с другой личность. Ни в какой другой профессии, на наш взгляд, не происходит такое слияние личного и профессионального. Профессия актера предполагает творческий процесс, а творчество без участия личности невозможно (Giserman-Kiss et al., 2020). Профессия вовлекает в себя всю личность, становясь

одновременно и регулятором, и продуктом деятельности.

Изучение личности артиста в основном происходило в плоскости творчества и искусства. Это нашло отражение в попытках практиков театра и педагогов провести психологический анализ личности артиста, чьи заключения не только в психологии сценической деятельности, но и в общей психологии имеют огромную научно-практическую ценность (Вильсон, 2001). Имена К. С. Станиславского, его ученицы М. О. Кнебель, Е. Б. Вахтангова, Б. Е. Захавы, А. А. Гончарова, О. Н. Ефремова, А. В. Эфроса, и многих других стоят у истоков исследований об актере.

Наиболее яркой работой в контексте психологического осмысления личности артиста хочется отметить работу Л. С. Выготского «Психология искусства» (Выготский, 1986), где он писал, что психология актера, его жизнь, выступают не как функции его личной душевной жизни, но как явление, имеющее объективный общественный смысл и значение, служащее переходной ступенью от психологии к идеологии (Davison, Furnham, 2018).

По мнению психоаналитически ориентированных специалистов (Фромм, 2000), личность артиста характеризуется невротичностью и эксгибиционизмом, а работа для них является средством сублимации и облегчения внутриличностных конфликтов (Немирович-Данченко, 1984). «Творческая личность предполагает особенно богатый материал для психологического критического анализа. Ее жизнь неизбежно переполнена конфликтами, поскольку в ней противоборствуют две силы: с одной стороны, обычный человек с его естественной потребностью в счастье, удовлетворенности и жизненной обеспеченности, а с другой безжалостная творческая страсть, волей-неволей втаптывающая в грязь все ее личные пожелания», – писал К. Г. Юнг (Юнг, 2003).

В последние годы психологические аспекты личности актера затрагивались в следующих психологических исследованиях: психологические особенности специалистов сферы искусства с высоким уровнем продуктивности творческого воображения (Карпова, Дикая 2016), методы сценической педагогики в решении проблем экологии человека (Грачева, 2019), особенности самопрезентации в реальном и виртуальном пространстве представителей творческих профессий (Гавриченко, 2018), психологические особенности личности актера (Курсевич, 2016), психологические и социально-психологические свойства личности актера драматического театра (Капустина, 2016), взаимосвязь эмоционального интеллекта и личностных особенностей (Собкин, Лыкова, 2015).

Как мы видим, тема представлений о личности артиста не раз подвергалась анализу, и мнения о ней весьма разнообразны, и порой противоречивы, так как сам по себе творческий процесс и творческую личность сложно проанализировать с помощью строгих научных теорий.

Однако, ни в одном исследовании не рассматривались стереотипные представления самих артистов о том, какими качествами должен обладать «типичный»

представитель актерской профессии.

Для этого нами было проведено сравнительное исследование стереотипных представлений о личности артиста у профессиональных артистов и любителей сценического искусства.

Методы

Для изучения стереотипных представлений о личности профессиональных артистов было проведено эмпирическое исследование.

Цель: сравнить стереотипные представления о личности профессионального артиста у представителей профессии и любителей сценического искусства.

Гипотеза исследования: стереотипные представления о личности профессионального артиста у представителей профессии и у любителей сценического искусства будут иметь значительные отличия.

Для реализации указанных задач и подтверждения выдвинутой гипотезы нами была выбрана «Анкета биполярных профилей» Т. Г. Стефаненко (в модификации Гришиной А. В., Комерово Н. Е.) – эта методика состоит из 24 пар противоположных качеств. В классическом варианте она использовалась для выявления этнических авто- и гетеростереотипов респондентов путем приписывания качеств представителям этнических групп. В целях нашего исследования данная методика была модифицирована для исследования личностных качеств профессиональных артистов, некоторые качества были заменены на более «типичные» для описания личности артиста. Для сравнительного анализа полученных данных выбран статистический критерий U-Манна-Уитни.

Эмпирической базой исследования выступило государственное автономное учреждение культуры Ростовской области «Ростовский академический театр драмы имени Максима Горького».

Объектом исследования выбраны:

- Артисты, имеющие профильное образование по специальности «Актерское искусство» в количестве 30 человек;
- Любители сценического искусства (зрители), посещающие театрализованные представления не менее 4 раз в год – 30 человек.

Исследование проводилось в четыре этапа: научно – теоретический, организационный, психодиагностический и констатирующий.

Результаты

Для определения стереотипов проводилась интерпретация результатов по указанной схеме (Гришина, Зеленов, Лунин, 2016): 1) По каждому из представленных 54 качеств вычислялось среднее значение по группе; 2) Были выделены 8 качеств с наивысшим баллом, т. е. с высшей степенью выраженности указанного признака у представителей исследуемой группы, по мнению группы

респондентов; 3) Были выделены 8 качеств с наименьшим баллом, т. е. со слабой степенью выраженности указанного признака у представителей исследуемой группы, по мнению группы респондентов; 4) Дана описательная характеристика полученных представлений, состоящих из условно «положительных» и «отрицательных» качеств.

Таким образом, нами были получены следующие условно «положительные качества» с наивысшей степенью выраженности:

1. Оптимизм
2. Высокий эмоциональный интеллект
3. Доброта
4. Способность мыслить творчески
5. Трудолюбие
6. Эмоциональная восприимчивость
7. Стремление к успеху
8. Высокая самооценка

К условно «отрицательным» качествам с наименьшей степенью выраженности респонденты причислили следующие:

1. Примат материальных ценностей
2. Тщеславие
3. Пессимизм
4. Злобность
5. Безразличие к успеху
6. Лень
7. Неуверенность в себе
8. Равнодушие к достижениям

Полученные с использованием данного подхода результаты представлены в диаграммах (Рис. 1 и Рис. 2).

Таким образом, представления об условно «положительных качествах», присущих личности профессионального артиста по мнению респондентов-представителей профессии и любителей сценического искусства относительно схожи. Например, респонденты обеих групп считают, что профессиональному артисту присущи такие качества, как оптимизм, трудолюбие, высокий эмоциональный интеллект, способность мыслить творчески. На основании сравнительного анализа полученных данных с помощью статистического критерия U-Манна-Уитни, усредненный показатель по шкале «высокая самооценка» ($p < 0,01$; $U_{эмп.} = 259,5$) выявил значимые различия в мнениях респондентов, интересно, что сами артисты оценивают ее гораздо менее присущей артисту-профессионалу, чем любители сценического искусства. Данный показатель, на наш взгляд, можно объяснить постоянными творческими поисками, сменой ролей, постоянным оцениванием «качества» актерской игры режиссерами и театральными критиками.

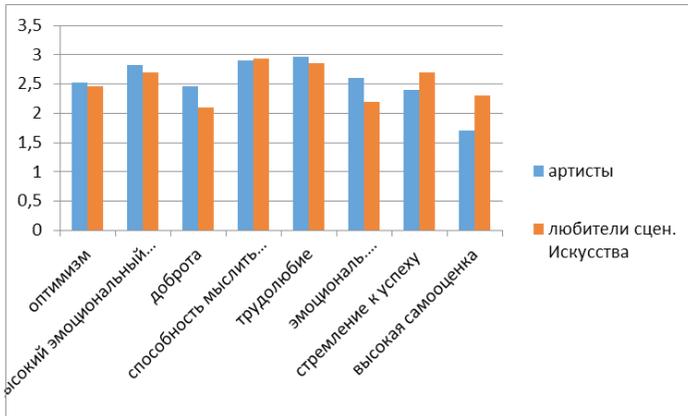

Рисунок 1. Сравнительные представления о условно «положительных» качествах личности профессионального артиста у представителей профессии и любителей сценического искусства

Также, актеры-профессионалы считают качество «эмоциональная восприимчивость» более выраженной у профессионального актера, чем любители сценического искусства. Возможно, здесь артисты воспроизводят свои переживания по поводу востребованности в профессии и ожидания признания. Значимых различий по данной шкале не выявлено.

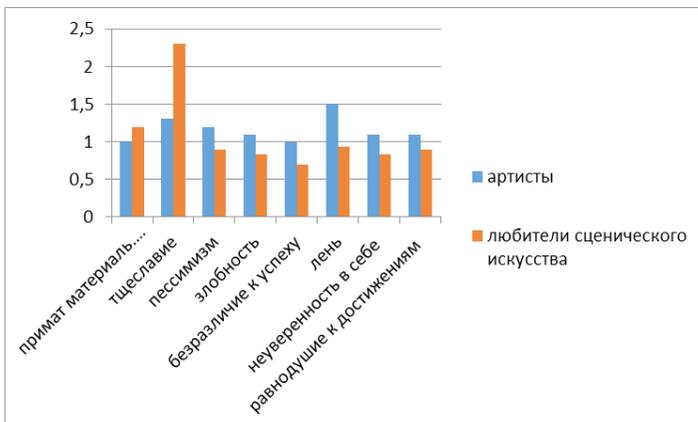

Рисунок 2. Сравнительные представления о условно «отрицательных» качествах личности профессионального артиста у представителей профессии и любителей сценического искусства

В результате полученных данных, оценка условно «отрицательных» качеств обеими группами респондентов также была достаточно однородна, но заслуживает внимания следующие качества, мнения о которых у представителей профессии и любителей сценического искусства значительно разнятся.

Так, «тщеславие» по мнению профессиональных актеров присуще им гораздо в меньшей степени, чем указывает другая группа. Согласно критерию U-Манна-Уитни ($p < 0,01$; $U_{\text{эмп.}} = 211$), различия в мнениях респондентов относительно данного качества статистически значимы. Возможно, зрители склонны считать, что выбор профессии артиста обусловлен желанием человека получить признание и известность, а артисты считают это способом реализации творческого потенциала.

Интересно, что профессиональные артисты ставят большие баллы, по качеству «лень», представителю актерской профессии, чем любители сценического искусства, которые практически исключают присутствие этого качества у артистов. Различия ($p < 0,01$; $U_{\text{эмп.}} = 276,5$) по данному показателю в группах респондентов находится в зоне значимости. Данное обстоятельство может говорить о самокритичности артистов и стремлении к идеалу в профессии, в связи с этим артисты часто употребляют выражение «служение театру» (Liron, Raindell & Alon, 2018). Также представители творческой профессии большими баллами, чем вторая группа, наделяют присутствие у артиста таких качеств, как злобность, равнодушие к достижениям, пессимизм. Значимых различий по этим качествам не выявлено. В связи с тем, что противоположные качества имеют очень высокие оценки, а эти не исключаются полностью, но в менее выраженной степени говорит о наличии некоей «двойственности» в отношении к личности артиста.

Обсуждение результатов

Итак, в данной статье дан обзор исследований в области стереотипных представлений, личности профессионального артиста, проведено сравнительное исследование среди двух групп респондентов на выявление схожих представлений о личностных качествах представителей актерской профессии. Так, обе группы считают, что артист оптимистичен, обладает высоким уровнем эмоционального интеллекта, способен творчески мыслить, трудолюбив, эмоционально восприимчив и стремится к успеху. Достоверно различны мнения респондентов относительно высокой самооценки. К наименее присущим профессиональному артисту качествам отнесены: лень, неуверенность в себе, злобность, примат материальных ценностей, пессимизм и тщеславие. Полученные различия по показателям высокая самооценка, тщеславие и лень могут указывать на то, что артисты в своей профессиональной деятельности часто сталкиваясь с критикой и оцениванием со стороны, и сами становятся критичны к себе и к профессии.

Проведенное исследование показало, что стереотипные представления имеют большое влияние на восприятие личности другого человека, сквозь призму его профессии. Эти представления обладают относительной устойчивостью, поскольку и представители профессии, и любители сценического искусства, приписывают схожие качества «типичному» профессиональному артисту, однако, значимые различия все же есть. Таким образом, считаем, что гипотеза исследования частично подтвердилась.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Литература

- Вильсон, Г. (2001). *Психология артистической деятельности: таланты и поклонники*. М.: Когито-Центр.
- Выготский, Л. С. (1986). *Психология искусства*. 2-е изд. испр. и доп. М.: Искусство.
- Гавриченко, О. В. (2018). Особенности самопрезентации в реальном и виртуальном пространстве представителей творческих профессий. *Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование*, 4(14), 96–114.
- Грачева, Л. В. (2019). Опыт применения методов сценической педагогики в решении проблем экологии человека. Социальный театр. *Вестник Академии русского балета им. А.Я. Вагановой*, 1(60), 111–126.
- Гришина, А. В., Зеленев, А. А., Лунин, С. Л. (2016). Диагностика влияния этнической идентичности на формирование этнических ауто- и гетеростереотипов у беженцев и вынужденных переселенцев из регионов локальных военных конфликтов и принимающего населения. М.: КРЕДО.
- Капустина, А. Н. (2016). Профессиональные и социально-психологические свойства личности актёра драматического театра. *Universum: психология и образование*, 7(25), 1–11.
- Карпова, В. В., Дикая, Л. А. (2016). Индивидуально-психологические особенности специалистов сферы искусства с высоким уровнем продуктивности творческого воображения. *Российский психологический журнал*, 13(2), 71–87.
- Курсевич, Н. И. (2016). Психологические аспекты создания артистами сценических образов. *Акмеология*, 4(60), 96–99.
- Немирович-Данченко, В. И. (1984). *О творчестве актёра*. М.: Искусство.
- Собкин, В. С., Лыкова, Т. А. (2015). Взаимосвязь эмоционального интеллекта и личностных особенностей (по материалам обследования студентов театрального колледжа). *Национальный психологический журнал*, 2(18), 56–65.
- Фромм, Э. (2000). *Ради любви к жизни*. М.: АСТ.
- Юнг, К. Г. (2003). *Дух в человеке, искусстве и литературе*. Минск: Харвест.
- Davison, M., Furnham, A. (2018). The personality disorder profile of professional actors. *Psychology of Popular Media Culture*, 7(1), 33–46. doi: <https://doi.org/10.1037/ppm0000101>

Giserman-Kiss I., Gorenstein M., Feldman E., Rowe, M., Grosman, H., Weissman, J., Rouhandeh, A., Wilkinson, E., Meyering, K., Durkin, A., Isenstein, E., Kolevzon, A., Buxbaum, J. D., Siper, P. M. (2020). The immersive theater experience for Individuals with autism spectrum disorder. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 50, 1073–1080. doi: <https://doi.org/10.1007/s10803-019-04284-7>

Liron, Y., Raindel, N., Alon, U. (2018). Dramatic action: A theater-based paradigm for analyzing human interactions. *PLoS ONE*, 13(3), e0193404. doi: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0193404>

References

Davison, M., Furnham, A. (2018). The personality disorder profile of professional actors. *Psychology of Popular Media Culture*, 7(1), 33–46. doi: <https://doi.org/10.1037/ppm0000101>

Fromm, E. (2000). *For the love of life*. Moscow: AST. (in Russ.).

Gavrichenko, O. V. (2018). Features of self-presentation in the real and virtual space of representatives of creative professions. *Vestnik of Russian State University for the Humanities. Series: Psychology. Pedagogy. Education*, 4(14), 96–114. (in Russ.).

Giserman-Kiss I., Gorenstein M., Feldman E., Rowe, M., Grosman, H., Weissman, J., Rouhandeh, A., Wilkinson, E., Meyering, K., Durkin, A., Isenstein, E., Kolevzon, A., Buxbaum, J. D., Siper, P. M. (2020). The immersive theater experience for Individuals with autism spectrum disorder. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 50, 1073–1080. doi: <https://doi.org/10.1007/s10803-019-04284-7>

Gracheva, L. V. (2019). Experience of using methods of stage pedagogy in solving problems of human ecology. Social Theater. *Vestnik of the Vaganova Academy of Russian Ballet*, 1(60), 111–126. (in Russ.).

Grishina, A. V., Zelenov, A. A., Lunin, S. L. (2016). *Diagnostics of the influence of ethnic identity on the formation of ethnic auto- and heterostereotypes in refugees and internally displaced persons from the regions of local military conflicts and the host population: an educational and methodological manual*. Moscow: CREDO. (in Russ.).

Jung, K. G. (2003). *The spirit in man, art and literature*. Minsk: Harvest. (in Russ.).

Kapustina, A. N. (2016). Professional and socio-psychological properties of the personality of a drama theater actor. *Universum: Psychology & Education*, 7(25), 1–11. (in Russ.).

Karpova, V. V., Dikaya, L. A. (2016). Individual psychological characteristics of art specialists with a high level of productivity of creative imagination. *Russian Psychological Journal*, 13(2), 71–87. (in Russ.).

Kursevich, N. I. (2016). Psychological aspects of creating stage images by artists. *Acmeology*, 4(60), 96–99. (in Russ.).

Liron, Y., Raindel, N., Alon, U. (2018). Dramatic action: A theater-based paradigm for analyzing human interactions. *PLoS ONE*, 13(3), e0193404. doi: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0193404>

Nemirovich-Danchenko, V. I. (1984). *About the work of the actor*. Moscow: Iskusstvo. (in Russ.).

Sobkin, V. S., Lykova, T. A. (2015). The relationship of emotional intelligence and personal characteristics (based on the survey of students of the theater College). *National Psychological Journal*, 2(18), 56–65. (in Russ.).

Vygotsky, L. S. (1986). *Psychology of Art. 2nd ed. rev. & add.* Moscow: Iskusstvo. (in Russ.).

Wilson, G. (2001). *Psychology of artistic activity: talents and fans*. Moscow: Cogito-Center. (in Russ.).

УДК 159.99

Исследования феномена посттравматического роста у людей, переживших кризис потери работы в условиях пандемии

Наталья Н. Бессонова

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

E-mail: cpk.slon@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5014-0736>

Аннотация

В данной статье авторы представляют результаты исследования феномена посттравматического роста у людей, переживших кризис, связанный с потерей работы в условиях пандемии. Во **Введении** авторы представили значимость проблемы на социальном уровне. Кроме того, в этом разделе оценивается влияние пандемии коронавирусной инфекции на формирование кризиса потери работы. Здесь же представлен анализ причин формирования личностного кризиса. Новизна исследования является методологической: она заключается в эмпирическом исследовании феномена посттравматического роста у людей, переживших кризис потери работы в пандемию с использованием программы психологической помощи, разработанной в Центре психологической коррекции «Слон». В **Теоретическом обосновании** были проанализированы теоретические предпосылки феномена посттравматического роста, в исследованиях отечественных и зарубежных авторов. В разделе **«Методы»** представлен ход исследования и программа психологической помощи для людей, переживающих кризис, связанный с потерей работы. В разделе **«Результаты»** представлены результаты эмпирического исследования, проведенного на базе Центра психологической коррекции «Слон» с участием 60 респондентов, переживающих кризис потери работы, полученные при использовании методики диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной и методики исследования системы жизненных смыслов В. Ю. Котлякова. В **Обсуждении результатов** поднимается вопрос поиска и внедрения эффективных программ психологической помощи для людей, переживающих личностный кризис. В **Заключении** отмечаются тенденции проблемы исследования феномена посттравматического роста личности для людей, переживших травматические кризисные состояния различной этимологии.

Ключевые слова

кризис потери работы, посттравматический рост, пандемия, ценностно-смысловая трансформация, потеря работы

Для цитирования

Бессонова Н. Н. Исследования феномена посттравматического роста у людей, переживших кризис потери работы в условиях пандемии // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2021. Т. 4, № 5. С. 48–59. doi: <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-5-48-59>

Studies of the phenomenon of post-traumatic growth of people who survived the crisis of job loss in a pandemic

Natalia N. Bessonova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

E-mail: cpk.slon@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5014-0736>

Abstract

In this article, the authors present the results of a study of the phenomenon of post-traumatic stress growth in people who have experienced a crisis associated with the loss of a job in a pandemic. In the **Introduction**, the authors presented the significance of the problem at the social level. In addition, this section assesses the impact of the coronavirus pandemic in shaping the job loss crisis. It also presents an analysis of the causes of the formation of a personal crisis. The novelty of the study is methodological: it consists in an empirical study of the phenomenon of post-traumatic stress growth in people who survived the crisis of job loss during a pandemic using a psychological assistance program developed at the Elephant Center for Psychological Correction. In the **Theoretical substantiation**, the theoretical background of the phenomenon of post-traumatic stress growth was analyzed in the studies of domestic and foreign authors. The **«Methods»** section presents the progress of the study and the program of psychological assistance for people going through a job loss crisis. The **«Results»** section presents the results of an empirical study conducted based on the Elephant Center for Psychological Correction with the participation of 60 respondents experiencing a crisis of job loss, obtained using the methodology for diagnosing socio-psychological attitudes of a person in the motivational-need sphere of O.F. Potemkina and the methodology of studying the system of life meanings by V. Yu. Kotlyakov. In the **Discussion** of the results, the issue of finding and implementing effective psychological assistance programs for people experiencing an identity crisis is raised. The **Conclusion** notes the trends in the

problem of researching the phenomenon of post-traumatic stressful personality growth for people who have experienced traumatic crisis states of various etymologies.

Keywords

job loss crisis, post-traumatic growth, pandemic, value-meaning transformation, job loss

For citation

Bessonova N. N. Studies of the phenomenon of post-traumatic growth of people who survived the crisis of job loss in a pandemic. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 4(5), 48–59. doi: <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-5-48-59>

Введение

Пандемия коронавируса и явившиеся ее следствием ограничения нанесли беспрецедентный удар по мировому рынку труда. По данным исследований, проведенных консалтинговой компанией Boston Consulting Group (BCG) в 2021 году, почти два миллиарда человек (треть населения планеты) потеряли работу, или находятся под угрозой ее потери. Согласно статистическим данным, в России безработными признаны 3,39 миллиона человек и еще 0,4 процента занятых граждан могут быть уволены в ближайшее время. Эти данные зафиксированы согласно количеству безработных, официально ставших на учет в государственные органы занятости, но по оценке Конфедерации труда России, реальное количество людей, потерявших работу в пандемию, может достигать порядка 8 миллионов человек. Этот тревожный факт обусловил актуальность результатов представленного нами исследования.

Для кризисов, связанных с потерей работы и определяемых как кризисы «адаптации», характерны нарушения привычных условий жизни человека в следствии резкого ухудшения материального состояния и изменения социального статуса. Прежняя жизнь представляется невозможной, происходит вынужденное изменение привычного поведения человека, корректируется индивидуальная система ценности личности, появляется тревога и нарастает напряжение. Потеря работы способствует изменению образа жизни человека, а сложившиеся условия заставляют его обратиться к поиску новых источников дохода.

По мнению К. Г. Кязимова, негативным следствием потери работы может стать значительное ухудшение здоровья, различные психические расстройства, вероятны пристрастие к злоупотреблению алкоголем и иным наркотическим веществам, суицидальные действия. Кроме того, согласно исследованиям, около 39 % безработных прибегают к различного рода правонарушениям, что создает нарастающую криминогенную обстановку в обществе (Кязимов, 2017).

Учитывая тот факт, что кризис потери работы является одним из самых актуальных в современном обществе, и вместе с ним происходит глубокая

ценностно-смысловая трансформация, описанная В. А. Урываевым и Б. В. Бойчук, возникает острая необходимость разработки эффективной программы психологической помощи людям, пережившим столь травмирующее событие (Урываев, Бойчук, 2013).

Для разработки и оценки результативности данной программы, прежде всего нами были исследованы теоретические источники, связанные с изучением концепции психической травмы, представлений о последствиях травмы, а также механизмах и процессах в процессе переживания и преодоления травмы.

Теоретическое обоснование

В современной психологии, исследуя проблемы стресса, кризиса, конфликта, утраты и других деструктивных ситуаций, чаще всего исходят из негативной научной установки. При этом отмечается, что вся негативная психология пережившего травмирующее событие человека находится в тесном взаимодействии с психологией преодоления и совладания. В связи с этим, психотерапия рассматривается в аспекте терапии страдания, не зависимо от того, как понимается источник этого страдания. Проходя курс психотерапии, особенно в отечественной практике, человек как бы создает свою «историю болезни», останавливаясь порой на констатации и принятии факта безысходности, не продвигаясь в преодолении трудностей, кризисных состояний. Это и послужило предпосылкой для нашего исследования, предполагающего, что прохождение определенной программы психотерапии способно побудить личность к его ценностно-смысловой и деятельно-смысловой трансформации, приобретения установки к преодолению личностных кризисов, «перерождению» и формированию «истории здоровья».

История изучения травмы в психологии чаще всего основывается на устранении негативных влияний последствий травмирующих событий и редко на возможностях поиска позитивного выхода из травмирующей ситуации. Но в то же время при детальном исследовании глубины и объема человеческих страданий, были обнаружены диаметрально противоположные реакции на травмирующие события, которые ограничивались не только переживанием травматического опыта и негативной их окраской, но присутствовало и позитивное влияние на личность. В связи с этим, исследователи данной проблемы зафиксировали не только регрессию и упадническое состояние у лиц, переживших травмирующее событие, но и тенденции к росту и развитию личности. Зарубежными авторами этот феномен был определен как «посттравматический рост личности», который был исследован отечественными (А. Д. Леонтьев, А. М. Кукуляр, М. Ш. Магомед-Эминов и др.) и зарубежными (Р. Тадеш, Л. Кэлхоун, М. Селигман, С. Петерсон и др.) авторами (Леонтьев, 2016; Магомед-Эминов, 2004; Магомед-Эминов, 1998; Кукуляр, Бессонова, 2016; Кукуляр, Бессонова, 2017; Абакумова, 2008; Гольева, 2016; Peterson, Park, Seligman, 2006).

Обращаясь к источникам, отметим, что А. Маслоу еще в 50-х годах прошлого столетия предложил идею позитивной психологии здорового человека, которая продолжила свое развитие в современной позитивной психологии, хотя во времена своего зарождения эта идея не рассматривалась в контексте страдания и несчастья (Маслоу, 1999).

В своих работах Р. Тэдэши и Л. Кэлхун отмечают, что концепция посттравматического роста личности не связана с механизмами психической защиты, которые редуцируют стресс, искажая реальность, или совладающим поведением, нацеленным на адаптацию к сложившейся ситуации. Согласно утверждениям этих авторов, посттравматический рост личности возникает, наоборот, при невозможности личности приспособиться к данным обстоятельствам, дабы избежать изменений и не переживать стрессовых состояний (Calhoun, Tedeschi, 2006).

Л. И. Анциферова, опираясь на теорию *субъективного подхода*, представляет личность как субъект, способный к постоянному развитию и совершенствованию, преобразованию, переосмыслению ситуаций на протяжении жизненного пути, в том числе ситуаций личностного кризиса (Анциферова, 1994).

А. Л. Журавлев и Н. Е. Харламенкова, проанализировавшие феномен посттравматического роста в аспекте, представленном Л. И. Анциферовой, заключают, что феномен посттравматического роста является частным случаем психического развития, отличным от обычных форм развития: они констатируют отсутствие необратимости процессов развития личности, что свидетельствует о возможной регрессии и повторной травматизации, и отсутствии преемственности между этапами развития «до» и «после» травмирующей ситуации (Быховец, 2016).

Кроме того, Л. И. Анциферова определяет способность к совладанию в стрессовых ситуациях как проявление мудрости, присущей целостным личностям, которые являются носителем знания о различных жизненных фактах, обладают инструментальным знанием стратегий и умений, позволяющих выносить зрелые суждения и советы, учитывая непредсказуемость жизненного бытия и различных социальных групп, использующих индивидуальные приоритеты и ценности и др. (Анциферова, 1994).

Р. Тэдэши и Л. Кэлхун в свою очередь отмечают, что мудрость может являться результатом посттравматического роста, причем эти два понятия, по их мнению, не являются тождественными и коррелирующими, так как мудрость есть исключительно стремление к развитию личности, в то время как посттравматический рост – это результат разрешения кризисного состояния (Tedeschi, Calhoun, 2004).

Методы

Изучение теоретических источников, описывающих феномен посттравматического роста личности, явилось предпосылкой для проведения эксперимента

с участием людей, переживающих кризис потери работы, обратившихся за психологической помощью к специалистам Центра психологической помощи «Слон» и желающих пройти комплекс психотерапевтических мероприятий, направленных на адаптацию к сформировавшимся в ходе пандемии изменениям жизни и получить навыки по программе реализации посттравматического личностного роста.

Исследование проходило в период с марта по декабрь 2021 года, в него были включены 60 участников, потерявших работу и расценивавших эту ситуацию как кризисную. Исследование было разделено на два этапа: «до» проведения психотерапевтических мероприятий и «после».

Программа Центра психологической коррекции «Слон» подразумевает комплексное прохождение многоуровневой программы в рамках терапевтического сообщества, целью которого выступает индивидуальная психокоррекционная работа со специалистами и внутригрупповая поддержка участников на каждом из этапов прохождения программы. Стратегия программы психокоррекции состоит в том, чтобы восстановить функционирование личности, переживающей ситуацию кризиса различной этимологии, одновременно в нескольких ключевых сферах – поведенческой, эмоциональной и смысловой. Этот подход направлен на обеспечение дальнейшего успешного развития личности.

В психокоррекционную программу центра включили следующие тренинги и методики, в том числе авторские. Перечислим только некоторые из них:

- представление программы мероприятий, ознакомление с групповыми нормами и правилами;
- ведение рабочей тетради;
- написание работ на темы: «Мои ожидания», «Моя биография», «Почему я здесь», «Я хороший – Я плохой», «Мой лучший поступок в жизни», «Мой худший поступок в жизни», «Скажи другому комплимент», «Что дарит мне радость», упражнение на самоанализ «Кто Я?» и др.;
- упражнения «За что я благодарен сегодняшнему дню», «Я люблю себя за то, что...», «Как я могу улучшить отношения в социуме», «Как сказать: «НЕТ», «Мои выходы из конфликтных ситуаций», «Я, желающий добра» и т. д.
- Теоретические занятия на тему: «Деструктивный способ защиты личности», «Границы личности», «Понятие стресса. Проблемно-разрушающее поведение», «Проблемы межполового общения», «Психология ощущений и переживаний» и др.;
- арт-терапевтические проективные упражнения: «Мой портрет», «Моя семья в образах животных», «Моя мама и я, когда я был маленький», «Дом, дерево, человек», «Мой любимый цветок», «Мой будущий ребенок», «Я через год, 5 лет, 10 лет», «Я вчера, сегодня, завтра», «Рисунок несуществующего животного» и д. р.;

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Упражнение на формирование смыслов (на основе позитивной психологии Н. Пзешкиана и философских притч).

В программе используются техники по формированию мотивации к социальной адаптации, эффективному социально-психологическому развитию и адекватной психологической адаптации к требованиям окружающей среды. Занятия проходят в полуоткрытых группах по 8–12 человек. Эти занятия объединены с групповой психотерапией, интенсивным социальным и психологическим тренингом и предполагают использование интенсивных творческих, игровых и драматических технологий, а также технологии курса «Терапия кризисных ситуаций» (М. Будонт). Занятия имеют стандартную структуру, организующую зону ближайшего развития личности участников программы.

Результаты

Результаты исследования оценивались нами с учетом использования методики диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О. Ф. Потемкиной. На Рисунке 1 отразим динамику по всем субшкалам методики у людей, переживающих кризис, связанный с потерей работы.

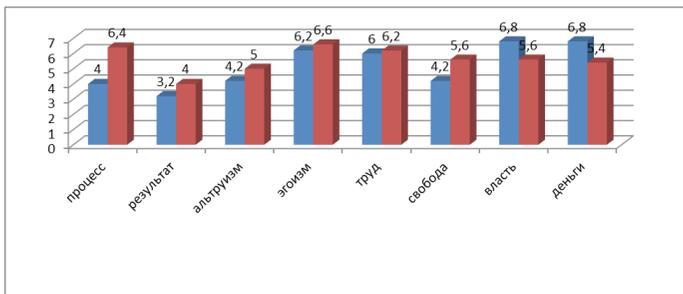

Рисунок 1. Усредненные результаты исследования по методике диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере Потемкиной О. Ф у людей, переживающих кризис, связанный с потерей работы, проходящих программу в центре «Слон» (в баллах).

Произведя анализ представленных данных, отметим, что как на этапе поступления, так и после прохождения программы, ведущими остаются ориентация на жизненные ситуации и процессы, установка на достижение свободы.

Менее значимой, но с наличием положительной динамики в профиле социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере, существует направленность на трудовую деятельность.

После психокоррекционной работы была диагностирована отрицательная динамика по субшкалам «Власть» и «Деньги», что свидетельствует об изменении тревожного состояния, связанного с неуверенностью в завтрашнем дне ввиду отсутствия материальной стабильности, а также снижении гиперконтроля над ситуацией в условиях безработицы.

Далее приведем ранговые показатели по Т-Критерию Уилкоксона, согласно усредненным результатам исследования по субшкалам методики диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О. Ф. Потемкиной у людей, переживающих кризис, связанный с потерей работы, проходящих реабилитацию в центре «Слон».

Наиболее значимыми по методике О. Ф. Потемкиной по Т-критерию Уилкоксона среди всей выборки респондентов оказались «Процесс» ($t=0,29$) и «Свобода» ($t=0,22$). Таким образом, после прохождения программных мероприятий в центре «Слон», респонденты, переживающий кризис, связанный с потерей работы, стремятся познавать процессы в рамках новых для них условий жизни, делая для этого очень многое. Большинство из них готовы трудиться для достижения определенного уровня свободы.

Результаты эффективности программы, кроме того, определялись нами по методике исследования системы жизненных смыслов В. Ю. Котлякова. На Рисунке 2 отразим динамику (при поступлении и по завершению прохождения программы) по всем субшкалам методики для людей, переживающих кризис, связанный с потерей работы.

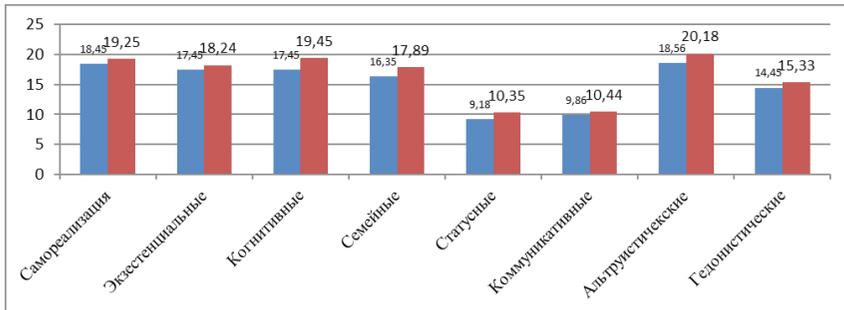

Рисунок 2. Усредненные результаты исследования по методике исследования системы жизненных смыслов Котлякова В. Ю., для людей, переживающих кризис, связанный с потерей работы, проходящих программу в центре «Слон» (в баллах).

Проанализировав полученные данные среди испытуемых на этапе поступления в центр «Слон», отметим, что у них преобладали следующие жизненные смыслы (Рисунок 3).

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Рисунок 3. Ведущие жизненные смыслы у людей, переживающих кризис, связанный с потерей работы, до прохождения реабилитации в центре «Слон».

Наименее значимыми жизненными смыслами у респондентов до прохождения программы были статусные (9,18), коммуникативные (9,86) и гедонистические (14,45).

После психокоррекционной помощи у респондентов преобладающими жизненными смыслами стали следующие (Рисунок 4).

Рисунок 4. Ведущие жизненные смыслы у людей, переживающих кризис, связанный с потерей работы, после программы в центре «Слон».

Наименее значимыми жизненными смыслами у респондентов группы А после реабилитации стали статусные (10,35), коммуникативные (10,44) и гедонистические (15,33).

Далее приведем ранговые показатели по Т-Критерию Уилкоксона, согласно усредненным результатам исследования по субшкалам методики диагностики жизненных смыслов Котлякова В. Ю. у людей, переживающих кризис, связанный с потерей работы, проходящих реабилитацию в центре «Слон».

Наиболее значимыми по методике жизненных смыслов Котлякова В. Ю. по Т-критерию Уилкоксона среди всей выборки респондентов группы А оказались «Когнитивные» ($t=0,19$), «Семейные» ($t=0,21$) и «Альтруистические» ($t=0,22$). Таким образом, после прохождения программных мероприятий в центре «Слон», респонденты стремятся опираться на помощь семьи при дальнейшей самореализации и простройке жизненного пути. Коммуникативные смыслы также претерпевают существенные изменения из-за смены круга общения и специфики взаимодействия. Усиливаются альтруистические мотивы личности.

Обсуждение результатов

Опираясь на результаты проведенных исследований, хотелось бы отметить высокую эффективность предложенной программы. Результаты исследования имеют практическое значение для подготовки профессиональных психологов, социальных работников, социальных педагогов к работе с данной категорией населения. Практическое значение исследования состоит в том, что разработанные положения выступают организационно-психологической основой использования интенсивных групповых методов для работы с переживающими кризис людьми, обратившимися за психологической помощью.

Заключение

Личностные кризисы, образовавшиеся в результате пандемии коронавируса, являются на сегодняшний день малоизученной областью психологической науки и, тем более, мало исследован и недостаточно описан феномен посттравматического роста личности, сформированного под воздействием травматических ситуаций различной этимологии. Наше исследование перспективно, и может положить начало глубокому изучению этого феномена, так как население остро нуждается в психологической помощи в условиях новой постпандемической реальности. Кроме того, необходимо продолжать поиски эффективной программы психологического сопровождения, которая позволит не только адаптироваться к новым для всего человечества условиям жизни, но и спровоцировать личностный рост индивида в непростых условиях неопределенности, непредсказуемости и растерянности перед завтрашним днем. Актуальность этой проблемы чрезвычайна, так как еще очень долгое время проблемы, которые породила пандемия, будут волновать население планеты.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

- Абакумова, И. В. (2008). *Смыслодидактика: учебник для магистров педагогики и психологии*. М.: КРЕДО.
- Анциферова, Л. И. (1994). Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита. *Психологический журнал*, 15(1), 3–18.
- Быховец, Ю. В. (2016). Феномен посттравматического роста. В М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова (ред.): *Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы* (С. 214–226). Москва: Институт психологии РАН.
- Гольева, Б. Ю. (2016). *Психологическое консультирование. Учебное пособие*. Челябинск: Изд-во «Цицеро».

Кукуляр, А. М., Бессонова, Н. Н. (2017). Изучение психологических особенностей формирования позитивных установок к реабилитации и ремиссии у наркозависимых. *Trendy v Sociální Psychologii*, 1, 34–39. doi: <https://www.doi.org/10.24045/aps.2017.1.4>

Кукуляр, А. М., Бессонова, Н. Н. (2016). Опыт реализации программы практик для студентов-психологов на базе центра психологической коррекции «Слон». В: *Проблемы непрерывного профессионального образования в России: состояние и перспективы*. Материалы докладов VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (С. 89–99). Ростов-на-Дону: Ростовский государственный медицинский университет.

Кязимов, К. Г. (2017). *Регулирование рынка труда и занятости населения: монография*. М.: Директ-Медиа.

Леонтьев, Д. А. (2016). Удары судьбы как стимул личностного развития: феномен посттравматического роста. В: *Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты* (С. 144–158). М.: Институт психологии РАН.

Магомед-Эминов, М. Ш. (2004). *Новые аспекты психотерапии посттравматического стресса: монография*. 2-е изд. испр. М.: Инсайт.

Магомед-Эминов, М. Ш. (1998). *Трансформация личности*. М.: Психоаналитическая Ассоциация.

Маслоу, А. (1999). *Новые рубежи человеческой природы*. М.: Смысл.

Урываев, В. А., Бойчук, Б. В. (2013). Трансформации личности как многоаспектная проблема. *Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика: электронный научный журнал*, 2(2).

Calhoun, L. G., Tedeschi, R. G. (2006). *Handbook of posttraumatic growth: Research and practice*. New York: Routledge. doi: <https://doi.org/10.4324/9781315805597>.

Peterson, C., Park, N., Seligman, M. E. P. (2006). Greater strengths of character and recovery from illness. *Journal of Positive Psychology*, 1(1), 17–26. doi: <https://www.doi.org/10.1080/17439760500372739>

Tedeschi, R. G., Calhoun, L. G. (2004). Posttraumatic growth: Conceptual foundations and empirical evidence. *Psychological Inquiry*, 15(1), 1–18. doi: https://www.doi.org/10.1207/s15327965pli1501_01

References

Abakumova, I. V. (2008). *Meaning didactics: a textbook for masters of pedagogy and psychology*. Moscow: CREDO. (in Russ.).

Antsiferova, L. I. (1994). Personality in difficult living conditions: rethinking, transformation of situations and psychological defense. *Psychological journal*, 15(1), 3–18. (in Russ.).

Bykhovets, Yu. V. (2016). The phenomenon of post-traumatic growth.

In M. I. Volovikova, A. L. Zhuravlev, N. E. Kharlamenkova (eds): *Psychological studies of personality: history, current state, prospects* (pp. 214–226). Moscow: Institute of Psychology RAS. (in Russ.).

Calhoun, L. G., Tedeschi, R. G. (2006). *Handbook of posttraumatic growth: Research and practice*. New York: Routledge. doi: <https://doi.org/10.4324/9781315805597>

Golyeva, B. Yu. (2016). *Psychological counseling. Textbook*. Chelyabinsk: «Cicero» Publishing House. (in Russ.).

Kazimov, K. G. (2017). *Regulation of the labor market and employment of the population: a monograph*. Moscow: Direct Media. (in Russ.).

Kukulyar, A. M., Bessonova, N. N. (2017). The study of the psychological characteristics of the formation of positive attitudes towards rehabilitation and remission in drug addicts. *Trends in Social Psychology*, 1, 34–39. doi: <https://www.doi.org/10.24045/aps.2017.1.4> (in Russ.).

Kukulyar, A. M., Bessonova, N. N. (2016). Experience in implementing an internship program for psychology students at the «Elephant» Center for Psychological Correction. In: *Problems of continuing professional education in Russia: state and prospects*. Proceedings of reports of the VI All-Russian scientific-practical conference with international participation (pp. 89–99). Rostov-on-Don: Rostov State Medical University. (in Russ.).

Leontiev, D. A. (2016). Blows of fate as a stimulus for personal development: the phenomenon of post-traumatic growth. In: *Human vitality: individual, professional and social aspects* (pp. 144–158). Moscow: Institute of Psychology RAS. (in Russ.).

Magomed-Eminov, M. Sh. (2004). *New aspects of post-traumatic stress psychotherapy: a monograph. 2nd ed. corr.* Moscow: Insight. (in Russ.).

Magomed-Eminov, M. Sh. (1998). *Personality transformation*. Moscow: Psychoanalytic Association. (in Russ.).

Maslow, A. (1999). *New frontiers of human nature*. Moscow: Smysl. (in Russ.).

Peterson, C., Park, N., Seligman, M. E. P. (2006). Greater strengths of character and recovery from illness. *Journal of Positive Psychology*, 1(1), 17–26. doi: <https://www.doi.org/10.1080/17439760500372739>

Tedeschi, R. G., Calhoun, L. G. (2004). Posttraumatic growth: Conceptual foundations and empirical evidence. *Psychological Inquiry*, 15(1), 1–18. doi: https://www.doi.org/10.1207/s15327965pli1501_01

Uryvaev, V. A., Boychuk, B. V. (2013). Personality transformations as a multidimensional problem. *Clinical and medical psychology: research, training, practice: electronic scientific journal*, 2(2). (in Russ.).

УДК 159.922

Исследование способов совладания в связи с показателями саморегуляции подростков: возрастные и гендерные особенности

Екатерина Г. Денисова, Яна А. Быкова*

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

*E-mail: yananbykova@yandex.ru

*ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6485-4932>

Аннотация

В статье представлены результаты исследования способов совладания в связи с показателями саморегуляции подростков с учетом возрастных и гендерных особенностей. Во **Введении** дается теоретический обзор феноменов совладающего поведения и саморегуляции. Научная новизна данной работы заключается в дополнительной дифференциации подросткового возраста, что позволяет более подробно исследовать характер связей заявленных феноменов. В разделе **«Методы»** описаны методы исследования и процедура применения методик: опросник «Способы совладающего поведения» в адаптации Т. Л. Крюковой, опросник «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросанова, тест-опросник «Исследование волевой саморегуляции» А. В. Зверькова, Е. В. Эйдмана. Дано описание выборки: 166 человек в возрасте от 15 до 20 лет (137 девушек, 29 юношей). В разделе **«Результаты»** представлены результаты сравнительного анализа способов совладания и саморегуляции в выделенных подгруппах по полу и возрасту, а также анализ связи исследуемых переменных в разных возрастных подгруппах подростков. Установлено, что у юношей преобладает стиль саморегуляции «Гибкость», они более настойчивы и демонстрируют большее самообладание. Девушки чаще предпочитают поиск социальной поддержки, принятие ответственности и избегание. При этом, показатели указанных видов копинга у девушек отличаются большей напряженностью. Также выявлены существенные различия в характере связей в различных возрастных группах. В **Обсуждении результатов** проведен анализ полученных результатов в соответствии с уровнем их значимости, а также с данными современных исследований. В **Заключении** приведены выводы по результатам исследования, описаны перспективы и практическая значимость данного исследования.

Ключевые слова

Совладающее поведение, копинг, саморегуляция, подростки, возрастные и гендерные особенности, волевая саморегуляция

Для цитирования

Денисова Е.Г., Быкова Я.А. Исследование способов совладания в связи с показателями саморегуляции подростков: возрастные и гендерные особенности // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2021. Т. 4, № 5. С. 60–78. doi: <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-5-60-78>

Coping strategies and self-regulation indicators of adolescents: age and gender differences

Ekaterina G. Denisova, Yana A. Bykova*

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

*E-mail: yananbykova@yandex.ru

*ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6485-4932>

Abstract

The article presents a study of coping strategies and self-regulation of adolescents from age and gender perspective. The **Introduction** provides a theoretical overview of coping behavior and self-regulation. The scientific novelty of this work lies in the additional differentiation of adolescence, which allows a more detailed study of the relationships between coping and self-regulation. The **Methods** section describes the main research methods and the procedure for applying the following psychological tests: "Methods of coping behavior" (T. L. Kryukova), "Style of self-regulation of behavior" (V. I. Morosanova), "Research of volitional self-regulation" (A. V. Zverkova, E. V. Eidman). The sample description: 166 people aged 15 to 20 years (137 girls, 29 boys). The **Results** section presents the comparative analysis of the coping methods and self-regulation in the subgroups by gender and age, as well as an analysis of the relationship between them in different age subgroups of adolescents. It was found that the style of self-regulation "Flexibility" prevails among young men; they are more persistent and demonstrate greater self-control. Girls are more likely to prefer seeking social support, accepting responsibility, and avoiding. The indicators of these types of coping among girls also differ by greater tension. In addition, significant differences were found in the relationships between coping strategies and self-regulation in different age groups. The **Discussion** section contains the analysis of the obtained results in accordance with the level of their significance, as well as with the data of contemporary research. The **Conclusion** summarizes the findings, describes the prospects and practical significance of this study.

Keywords

Coping behavior, coping, self-regulation, adolescents, age and gender differences, volitional self-regulation

For citation

Denisova E. G., Bykova Ya. A. Coping strategies and self-regulation indicators of adolescents: age and gender differences. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 4(5), 60–78. doi: <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-5-60-78>

Введение

Проблема совладающего поведения и саморегуляции молодежи и подростков является одной из актуальных, и активно изучается в современной психологии (Казакова, 2021; Николаева, Савченко, Павлова, 2019). Период взросления человека считается самым сложным, кризисным и противоречивым. В это время подросток сталкивается с множеством объективных и субъективных проблем, требующих разрешения. Выраженные гормональные изменения оказывают влияние на поведение, реакции и настроение подростков, что является основой его общей неуравновешенности, возбужденности или апатии (Аптикиева, 2019; Левченко, 2009). Среди основных трудностей подростка выделяются снижение самооценки, повышенная чувствительность и раздражительность, физическое и душевное недомогание, перенос неудовлетворенности собой на окружающий мир, чувства одиночества, чужеродности, повышенная тревога, беспокойство и неуверенность (Галузо, 2021; Хасаньянова, Барышникова, 2021).

Совладающее поведение в большинстве работ рассматривается как целенаправленное социальное поведение, которое позволяет человеку справиться со стрессом или трудной жизненной ситуацией способами, адекватными личностным особенностям, через осознанные стратегии действий (Крюкова, 2008; Лазарус, 1970; Нартова-Бочавер, 1997; Folkman, Lasarus, Dunkel-Schetter, DeLongis, Gruen, 1986). Копинг-ресурсы обеспечивают переключение внимания с одной ситуации на другую, благодаря гибкости мышления, поведения, эмоционального реагирования (Нижегородцева, Тарасова, 2017; Zimmer-Gembeck, 2021). При этом стратегии совладания могут быть продуктивными или непродуктивными в каждой конкретной ситуации и в каждом возрастном периоде развития человека, позволяя оптимально справляться с жизненными трудностями или затрудняя адаптацию (Акименко, 2016; Вассерман, 2009; Вассерман, 2010). Так, значимость исследования проблемы совладания связана с тем, что использование конструктивных и адаптивных стратегий совладающего поведения тесно связано с эффективностью социальной адаптации и сохранением здоровья человека.

Активное становление стиля совладающего поведения приходится на подростковый возраст, но используемые наборы стратегий зачастую не только ситуативны, но и динамичны (Ветрова, 2008; Frydenberg, 1997). Преобладание в поведенческом репертуаре подростка определенных копинг-стратегий может как существенно способствовать конструктивному преодолению жизненных трудностей, так и привести к выраженной дезадаптации, ввиду высокой напряженности

поведения. В этой связи исследователи подчеркивают особую роль копинга в подростковом возрасте, способствующих успешному преодолению трудных жизненных ситуаций и социальной адаптации в целом (Николаева и др., 2019).

Особенностью подросткового возраста можно считать тот факт, что именно в этот период происходит бурное развитие тех личностных качеств, которые помогут в формировании навыков самостоятельности при принятии решений, способности к ответственному поведению, к проектированию своего будущего, в том числе, формируется самосознание и ориентировка личности на собственную оценку (Овчарова, 2020; Dias, 2017). Формирование этих качеств во многом определяются особенностями саморегуляции подростков (Папшева, 2013).

Саморегуляция является интегративной структурой, которая включает в себя интеллектуальные, когнитивные, волевые, эмоциональные, нравственные, мотивационные сферы (Быкова, 2021). Понятие саморегуляция раскрывается через вектор направленности действия на того, кто его производит. Другими словами, объектом контроля и регуляции в данном случае для личности выступают не объекты внешней реальности или поведение другого, а собственные поступки и действия, а также внутренние репрезентации, эмоциональные реакции, и другие присущие этой личности психические явления (Моросанова, 2010). Значимость конструктивности этих, направленных на самого себя, действий в подростковом возрасте сложно переоценить (Жукова, Богоявленская, Артеменков, 2021; Нижегородцева, Тарасова, 2017).

Необходимо отметить, что современные исследования подтверждают важность учета половых различий при организации психологического сопровождения подростков (Бартош, Бартош, 2012; Крюкова, 2005; Панина, 2011; Фельдштейн, 2005; Филатова, 2009). Биологический пол и половая идентичность оказывают существенное влияние на развитие личности подростка: происходит усиление полоролевых ориентаций и критическое осмысление половой идентичности, формируются половые идеалы, интенсивно осваиваются мужские и женские роли (Филатова, 2009). При этом, динамика возрастных изменений способов совладания и стилей саморегуляции, а также связь между ними остается мало изученной.

Цель исследования: изучение способов совладания и стилей саморегуляции в выделенных подгруппах по полу и возрасту, а также анализ характера связей исследуемых переменных в разных возрастных подгруппах подростков.

Методы

В исследовании приняли участие 166 человек в возрасте от 15 до 20 лет (137 девушек, 29 юношей), учащиеся средних образовательных и специальных образовательных учреждений г. Ростова-на-Дону и Ростовской области.

Для изучения заявленных показателей применялись следующие методы эмпирического исследования:

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Психологическое тестирование: определения способов (копинг-механизмов, копинг-стратегий) преодоления трудностей в различных сферах – опросник «Способы совладающего поведения» (в адаптации Т. Л. Крюковой); для практической диагностики различных аспектов индивидуальной саморегуляции – опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В. И. Моросанова); для определения уровня развития волевой саморегуляции – тест-опросник «Исследование волевой саморегуляции» (А. В. Зверьков и Е. В. Эйдман);

Методы математической статистики: критерий Шапиро-Уилка; непараметрический U-критерий Манна-Уитни; коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты

С целью рассмотрения гендерного аспекта совладающего поведения и саморегуляции подростков был проведен сравнительный анализ по исследуемым показателям в подгруппах юношей и девушек. Сравнительный анализ средних значений по способам совладания приведен на рисунке 1.

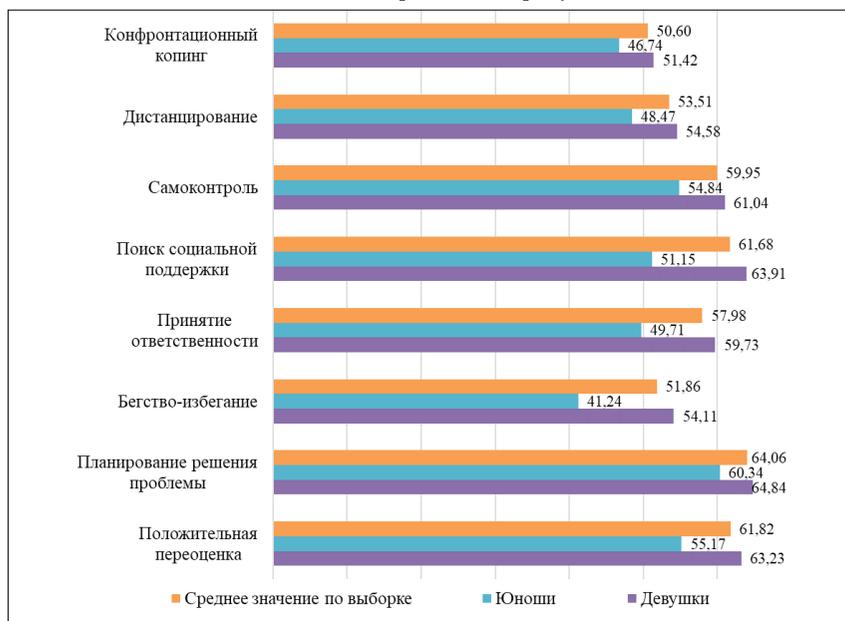

Рисунок 1. Средние значения показателей способов совладания (по полу).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в целом по выборке наиболее предпочитаемыми стратегиями совладания являются «планирование

решения проблемы» (64,06 балла), «положительная переоценка» (61,82 балла) и «поиск социальной поддержки» (61,68 балла). В подгруппе девушек все перечисленные стратегии выражены примерно в равной степени, а вот в подгруппе юношей наиболее высокие значения отмечены по шкале «планирование решения проблемы». Средние значения по всем стратегиям совладания в подгруппе девушек отличаются более высокой напряженностью, что может быть индикатором риска дезадаптации. Данные статистического анализа свидетельствуют о том, что достоверные различия отмечаются по шкалам способов совладания: «Поиск социальной поддержки» ($p < 0,002$), «Принятие ответственности» ($p < 0,02$), «Бегство-избегание» ($p < 0,003$).

В целом, у девушек отмечен высокий уровень напряженности копинга таких показателей, как «поиск социальной поддержки», «принятие ответственности», «избегание», что свидетельствует о выраженной дезадаптации. У юношей преобладают средние показатели, это является признаком того, что у них выражен адаптационный потенциал личности в пограничном состоянии.

Сравнительный анализ средних значений по стилям саморегуляции приведен на рисунке 2.

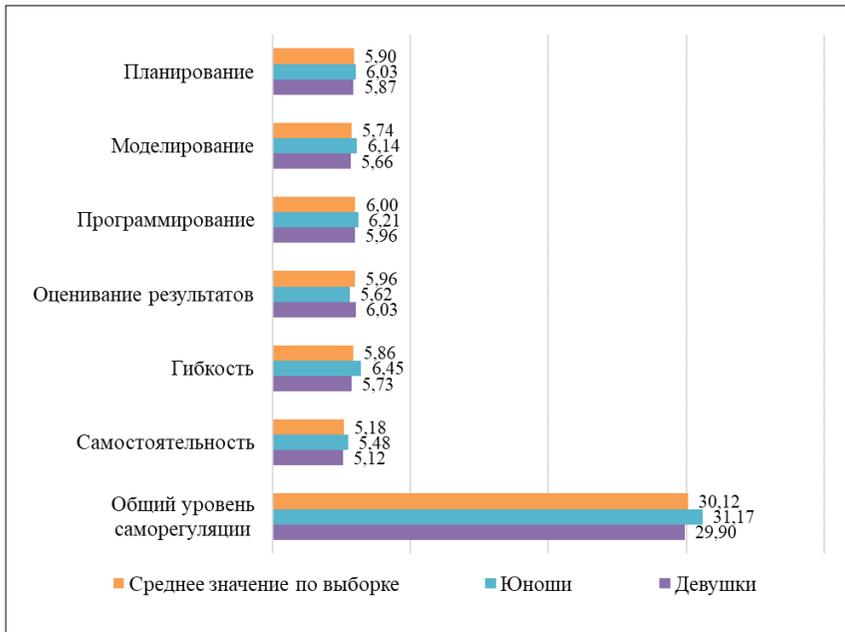

Рисунок 2. Средние значения показателей саморегуляции (по полу).

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Данные свидетельствуют о том, что в целом по выборке преобладают такие стили саморегуляции как «программирование» (6 баллов), «оценивание результатов» (5,96 балла) и «гибкость» (5,86 балла). В подгруппе юношей значения по всем стилям саморегуляции поведения выше, в сравнении с девушками. Исключение составляет только параметр оценивание результатов. Однако данные статистического анализа свидетельствуют о том, что достоверные различия отмечаются только по шкале «Гибкость» ($p < 0,02$).

Сравнительный анализ средних значений по компонентам и уровню волевой саморегуляции приведен на рисунке 3.

Рисунок 3. Средние значения показателей волевой саморегуляции (по полу).

По компонентам волевой регуляции, так же показано, что в подгруппе юношей значения выше, в сравнении с девушками. Общий уровень саморегуляции, и общий показатель волевой саморегуляции выше в подгруппе юношей. Статистический анализ свидетельствует о том, что достоверные различия отмечаются по всем шкалам опросника волевой саморегуляции: «Общий показатель волевой саморегуляции» ($p < 0,01$), «Настойчивость» ($p < 0,03$), «Самообладание» ($p < 0,01$).

Так, по показателю саморегуляции установлено, что в подгруппе юношей достоверно преобладает стиль саморегуляции «Гибкость», они более настойчивы и демонстрируют самообладание. При этом, значения по выборке в целом не превышают нормативных значений по методикам, что свидетельствует о среднем уровне развития саморегуляции.

Далее обратимся к результатам анализа возрастной динамики совладания и саморегуляции. Сравнительный анализ средних значений способов совладания приведен на рисунке 4.

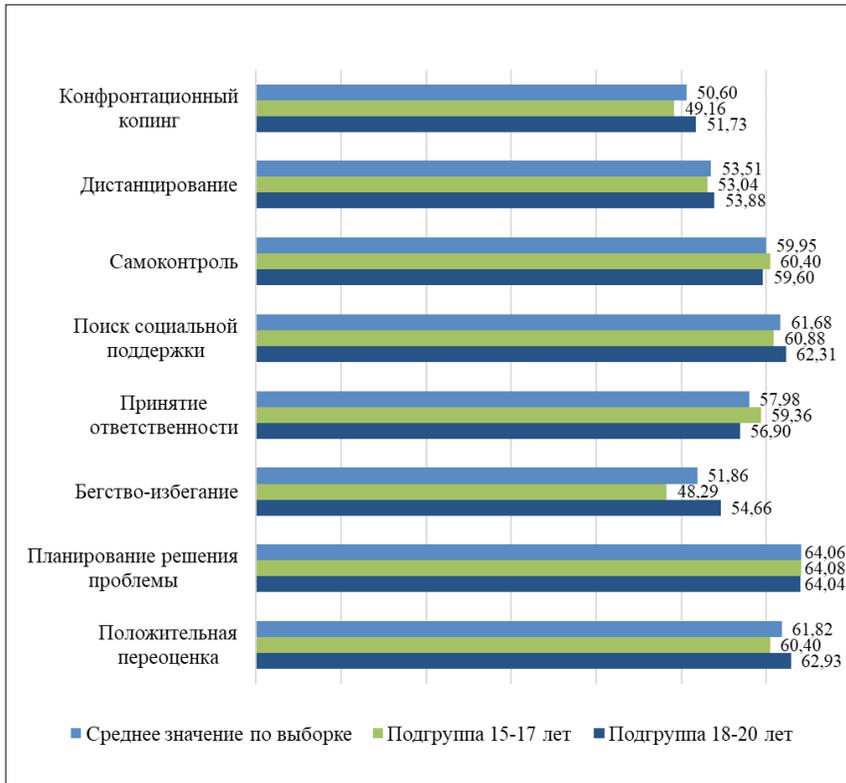

Рисунок 4. Средние значения показателей способов совладания (возраст).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в подгруппах 15–17 лет и 18–20 лет ведущие стратегии совладания (планирование решения проблемы, поиск социальной поддержки и положительная переоценка) выражены примерно в равной степени. Данные статистического анализа свидетельствуют о том, что достоверные различия отмечаются лишь по шкале способов совладания «Бегство-избегание» ($p < 0,05$). Установлено, что подростки 18–20 лет чаще используют такой способ совладания, как избегание.

Сравнительный анализ средних значений по стилям саморегуляции приведен на рисунке 5.

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

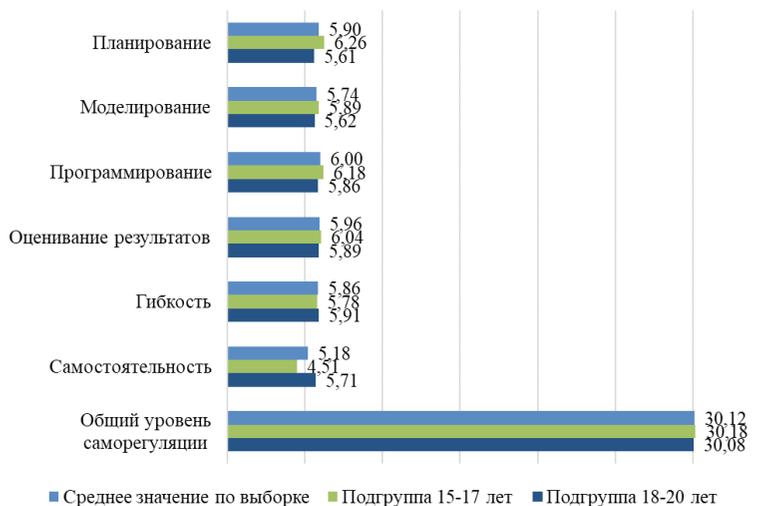

Рисунок 5. Средние значения показателей саморегуляции (возраст).

Данные свидетельствуют о том, что в подгруппе подростков 15–17 лет значения по всем стилям саморегуляции поведения немного выше, в сравнении с подгруппой 18–20 лет. Исключение составляют только параметры гибкость и самостоятельность. Однако данные статистического анализа свидетельствуют о том, что достоверные различия отмечаются лишь по шкале стиля саморегуляции «Самостоятельность» ($p < 0,002$). То есть, подростки 18–20 лет более автономны в организации собственной активности.

Сравнительный анализ средних значений по компонентам и уровню волевой саморегуляции приведен на рисунке 6.

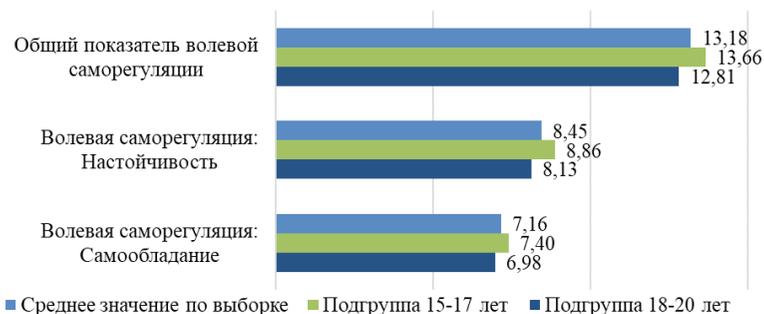

Рисунок 6. Средние значения показателей волевой саморегуляции (возраст).

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

По результатам корреляционного анализа можно заключить, что предпочтение тех или иных стратегий саморегуляции достоверно коррелирует с особенностями саморегуляции в подростковом возрасте. Однако были выявлены существенные различия в характере связей в различных возрастных группах. Так, стратегия конфронтации в младшей группе имеет положительные связи с гибкостью ($R_s = 0,424$ при $p < 0,001$) и самостоятельностью ($R_s = 0,380$ при $p < 0,001$), в то время как в старшей подгруппе – отрицательные с самообладанием ($R_s = -0,354$ при $p < 0,001$) и общим уровнем волевой регуляции ($R_s = -0,245$ при $p < 0,018$). Следовательно, стратегия разрешения проблемы за счет поведенческой активности, направленной на ситуацию, либо на отреагирование негативных эмоций, на фоне возрастной динамики имеет различные механизмы. В возрасте 15–17 лет выбор данной стратегии опирается на ощущение уверенности и способность перестроиться в случае несогласования полученных результатов с целью. При этом в старшей подгруппе реализация конфронтации уже в большей степени является импульсивным отреагированием негативных эмоций на фоне более низких показателей саморегуляции.

Положительная переоценка сохраняет связь с программированием в исследуемых подгруппах (в младшей $R_s = 0,280$ при $p < 0,017$; в старшей $R_s = 0,325$ при $p < 0,001$). Однако в младшей группе также выражены связи с гибкостью ($R_s = 0,360$ при $p < 0,002$), оценением результатов ($R_s = 0,302$ при $p < 0,009$) и общим уровнем саморегуляции ($R_s = 0,331$ при $p < 0,004$), а в старшей с настойчивостью ($R_s = 0,251$ при $p < 0,015$) и общим уровнем волевой саморегуляции ($R_s = 0,205$ при $p < 0,049$). Следовательно, в младшей подгруппе предпочтение стратегии положительного переосмысления ситуации и поиска позитивных сторон сопряжено со способностью продумывать и быстро перестраивать свои планы, а также с адекватностью оценки себя и результатов своего поведения. В то время как в старшей группе эта же стратегия больше связана со способностью продумывать план действий и придерживаться этого плана. Учитывая, что напряженность данной стратегии в исследуемых подгруппах завышена, а настойчивость в отсутствии связи с гибкостью может привести к ригидности и неэффективности поведения, можно предположить, что реализация данной стратегии в старшей группе будет более дезадаптивна.

Стратегия бегство-избегание старшей подгруппе имеет большее количество отрицательных связей с показателями саморегуляции. В младшей группе бегство-избегание имеет прямую связь с самостоятельностью ($R_s = 0,293$ при $p < 0,012$), и обратные связи со шкалами: моделирование ($R_s = -0,333$ при $p < 0,004$), общим показателем волевой саморегуляции ($R_s = -0,361$ при $p < 0,002$), настойчивость ($R_s = -0,337$ при $p < 0,004$), самообладание ($R_s = -0,253$ при $p < 0,031$). В старшей – с моделированием ($R_s = -0,507$ при $p < 0,001$), программированием ($R_s = -0,224$ при $p < 0,031$), оценением результатов ($R_s = -0,352$ при $p < 0,001$), гибкость ($R_s = -0,313$

при $p < 0,002$), общим уровнем саморегуляции ($R_s = -0,396$ при $p < 0,001$), общим показателем волевой саморегуляции ($R_s = -0,614$ при $p < 0,001$), настойчивостью ($R_s = -0,555$ при $p < 0,001$) и самообладанием ($R_s = -0,626$ при $p < 0,001$). То есть, у старшей группы более выражена связь уровня саморегуляции и отдельных его стилей с предпочтением данной стратегии, а также с адаптивностью ее использования. Исходя из того, что старшая группа имеет более высокие показатели по этой стратегии и высокие (относительно норматива) показатели волевой регуляции, можно предположить, что в период 18–20 лет подростки при высоком уровне рефлексии личных мотивов и умении распределять усилия и контролировать свои поступки будут реже предпочитать неконструктивные формы поведения по типу отрицания или уклонения в стрессовых ситуациях.

У стратегии дистанцирования существенно меняется характер связей с особенностями саморегуляции. В возрасте 15–17 лет выбор стратегии отстранения (обесценивания или снижения значимости проблемы) опирается на гибкость регуляторных процессов ($R_s = 0,252$ при $p < 0,032$). В то время как, в возрасте 18–20 лет связь с гибкостью не выявлена, но обнаружена положительная связь с самостоятельностью ($R_s = 0,216$ при $p < 0,038$) и ряд отрицательных связей со стилями саморегуляции планирование ($R_s = -0,281$ при $p < 0,001$), моделирование ($R_s = -0,330$ при $p < 0,006$) и оценивание результатов ($R_s = -0,218$ при $p < 0,036$), а также настойчивостью ($R_s = -0,236$ при $p < 0,023$) и общими показателями саморегуляции ($R_s = -0,293$ при $p < 0,004$) и волевой саморегуляции ($R_s = -0,211$ при $p < 0,042$). Описанные данные позволяют предположить, что предпочтение стратегии обесценивания в старшей группе связано с низким уровнем развития саморегуляции, и чем более низкий уровень саморегуляции, тем более выражен будет дезадаптивный характер данного копинга.

Способ совладания «самоконтроль» не имеет связей в группе подростков 15–17 лет, тогда как в старшей группе выражены положительные связи с планированием ($R_s = 0,233$ при $p < 0,024$), программированием ($R_s = 0,223$ при $p < 0,032$) и общим уровнем саморегуляции ($R_s = 0,233$ при $p < 0,025$). То есть, связь преодоления негативных переживаний за счет подавления эмоций с уровнем саморегуляции проявляется только в более зрелом возрасте. Учитывая, что данная стратегия одинаково выражена в исследуемых возрастных группах, это свидетельствует о различии в механизмах ее реализации. В старшей подгруппе предпочтение данной стратегии опирается на навыки саморегуляции и рационального планирования. В более младшей группе, вероятно, подавление эмоций имеет менее осознанный характер и опирается на другие личностные характеристики (например, тревожность и алекситимию), или, возможно, на особенности Я-концепции.

Стратегия планирование решения проблемы является преобладающей, как в старшей, так и в младшей группах, и сохраняет связь практически со всеми

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

показателями саморегуляции. В младшей группе планирование решения проблемы положительно коррелирует со шкалами планирование ($R_s = 0,272$ при $p < 0,020$), моделирование ($R_s = 0,327$ при $p < 0,005$), программирование ($R_s = 0,380$ при $p < 0,001$), оценивание результатов ($R_s = 0,353$ при $p < 0,002$), гибкость ($R_s = 0,492$ при $p < 0,001$), общий уровень саморегуляции ($R_s = 0,541$ при $p < 0,001$), общий показатель волевой саморегуляции ($R_s = 0,473$ при $p < 0,001$), настойчивость ($R_s = 0,476$ при $p < 0,001$) и самообладание ($R_s = 0,384$ при $p < 0,001$). В старшей – с планированием ($R_s = 0,336$ при $p < 0,001$), моделированием ($R_s = 0,282$ при $p < 0,006$), программированием ($R_s = 0,464$ при $p < 0,001$), оцениванием результатов ($R_s = 0,273$ при $p < 0,008$), гибкостью ($R_s = 0,261$ при $p < 0,011$), общим уровнем саморегуляции ($R_s = 0,481$ при $p < 0,001$), общим показателем волевой саморегуляции ($R_s = 0,268$ при $p < 0,009$), настойчивостью ($R_s = 0,276$ при $p < 0,007$) и самообладанием ($R_s = 0,245$ при $p < 0,018$). Данная стратегия по выборке в целом имеет высокий уровень напряженности, что может свидетельствовать о неадекватном ее применении. Однако исходя из связи с положительными аспектами саморегуляции, преодоление трудностей посредством целенаправленного анализа ситуации и планирования собственных действий с учетом прошлого опыта и имеющихся ресурсов, можно назвать наиболее эффективной стратегией в подростковом возрасте.

Обсуждение результатов

Полученные данные о преобладании у подростков копинга в форме планирования решения проблемы, положительной переоценки и поиска социальной поддержки, в целом, согласуются с данными современных исследований, проведенных на сходных выборках (Нижегородцева, Тарасова, 2017; Хазова, Останина, 2014). Данные о преобладании программирования, оценивания результатов и гибкости как стилей саморегуляции, также находят подтверждение в литературе (Нижегородцева, Тарасова, 2017). Однако в некоторых работах также обнаруживается преобладание стратегии совладания бегство-избегание в подростковом возрасте (Wang et al., 2021).

В отношении различий, обнаруженных в подгруппах юношей и девушек, в первую очередь, стоит отметить небольшое количество значимых различий по исследуемым показателям, что может быть связано со сравнительно небольшим количеством юношей в выборке. Однако более высокие значения по шкале бегства-избегания у юношей также отмечаются в работах современных ученых (Perzow, Bray, Wadsworth, Young, Hankin, 2021).

Исследования особенностей взаимосвязи показателей саморегуляции и копинг поведения широко представлены в современной научной литературе (Бубновская, 2021; Захарова, Комарова, Карнеев, Карнеева, 2019; Нижегородцева, Тарасова, 2017; Хазова, Останина, 2014). В большинстве из них исследователями получены

положительные связи между общим уровнем саморегуляции и такими копинг-стратегиями, как планирование решения проблемы, принятие ответственности и положительная переоценка. Также есть данные об отрицательных связях стратегии бегство-избегание со всеми регуляторными процессами и общим уровнем саморегуляции (Бубновская, 2021; Нижегородцева, Тарасова, 2017). Следовательно, описанные в настоящей работе данные в целом не противоречат результатам современных исследований, но существенно дополняют их в части изучения гендерного и возрастного аспекта.

Заключение

На основании полученных результатов были сформулированы следующие выводы:

1. Предпочтение определенных видов копинга и уровень саморегуляции различаются у юношей и девушек.
2. С возрастом различается степень самостоятельности и предпочтения неконструктивных форм поведения по типу отрицания или уклонения в стрессовых ситуациях.
3. В более старшей группе подростков копинг и параметры саморегуляции становятся более взаимосвязаны. При этом отмечается не только возрастная динамика укрепления связи показателей совладания и саморегуляции, но и существенная перестройка этих связей для отдельных видов копинга.
4. Исходя из характера связей с показателями саморегуляции, наиболее адаптивной стратегией совладания можно назвать планирование решения проблемы. В старшей группе можно также отметить самоконтроль. В младшей группе «конфронтация» (в форме отреагирования) и положительное переосмысление ситуации, так же, вероятно, будет использоваться более конструктивно.

Перспективой данной работы нам представляется расширение предмета исследования. На более сбалансированной и широкой выборке планируется изучить совладающее поведение и особенности саморегуляции подростков с учетом их эмоционально-личностных характеристик.

Описанная динамика возрастных изменений связи способов совладания и стилей саморегуляции на наш взгляд имеет большое значение не только для теоретического осмысления сущности и взаимосвязи изучаемых феноменов, но и должна быть учтена в разработке программ психологического сопровождения, адаптации и психологической коррекции, используемых для работы с подростками и их семьями.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Литература

- Акименко, А. К. (2016). Взаимосвязь стратегий совладающего поведения и социально-психологических характеристик личности. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития*, 5(2), 151–157. doi: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2016-5-2-151-156>
- Аптикиева, Л. Р. (2019). Психолого-педагогический аспект преодоления стрессовых ситуаций в подростковом возрасте. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 2(220), 6–14. doi: <https://doi.org/10.25198/1814-6457-220-6>
- Бартош, О. П., Бартош, Т. П. (2012). Возрастные и гендерные особенности копинг-поведения подростков. *Психология. Психофизиология*, 6(265), 42–46.
- Бубновская, О. В. (2021). Влияние саморегуляции на совладание и психологическую безопасность студенчества. *Психология саморегуляции в контексте актуальных задач образования (к 90-летию со дня рождения О.А. Конопкиной)*, 1, 150–156. doi: <https://doi.org/10.24412/cl-36466-2021-1-150-156>
- Быкова, Е. А. (2021). К вопросу о формировании волевых качеств в подростковом возрасте. *Вестник Шадринского государственного педагогического университета*, 2(50), 202–208.
- Вассерман, Л. И. (2009). *Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями. Пособие для врачей и медицинских психологов*. СПб.: Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева.
- Вассерман, Л. И., Абабков, В. А., Трифонова, Е. А. (2010). *Совладание со стрессом: теория и психодиагностика. Учебно-методическое пособие*. СПб.: Речь.
- Ветрова, И. И. (2008). Связь совладающего поведения с контролем поведения и психологической защитой в системе саморегуляции. *Совладающее поведение: современное состояние и перспективы. Институт психологии РАН*, 179–196.
- Галузо, П. Р. (2021). Осознанная саморегуляция рискованного поведения современных подростков. *Новая психология профессионального труда педагога: от нестабильной реальности к устойчивому развитию*, 1, 298–301. doi: <https://doi.org/10.24412/cl-36422-2021-1-298-301>
- Жукова, Е. С., Богоявленская, Д. Б., Артеменков, С. А. (2021). Соотношение одаренности, интеллекта, академической успешности и осознанной саморегуляции учебной деятельности. *Психология саморегуляции в контексте актуальных задач образования (к 90-летию со дня рождения О.А. Конопкиной)*, 1, 63–69. doi: <https://doi.org/10.24412/cl-36466-2021-1-63-69>
- Захарова, М. В., Комарова, С. В., Карнеев, Р. К., Карнеева, О. А. (2019). Особенности волевой саморегуляции и копинг-стратегий подростков на разных этапах спортивного дополнительного образования. *Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта*, 9(175), 369–373.

Казакова, И. В. (2021). Регуляция внутренней активности как фактор совладания с трудными жизненными ситуациями. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 26(1(84)), 48–52.

Крюкова, Т. А. (2005). Возрастные и кросскультурные различия в стратегиях совладающего поведения личности. *Психологический журнал*, 26(2), 5–15.

Крюкова, Т. А. (2008). Человек как субъект совладающего поведения. *Психологический журнал*, 29(2), 88–95.

Лазарус, Р. (1970). *Теория стресса и психофизиологические исследования*. Эмоциональный стресс. М.: Наука.

Левченко, В. О. (2009). Влияние стратегий совладания на личностную успешность подростков. *Наука. Инновации. Технологии*, 2, 187–192.

Моросанова, В. И. (2010). Индивидуальные особенности осознанной саморегуляции произвольной активности человека. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 1, 36–45.

Нартова-Бочавер, С. К. (1997). «Coping behavior» в системе понятий психологии личности. *Психологический журнал*, 18(5), 20–30.

Нижегородцева, Н. В., Тарасова, С. С. (2017). Совладающее поведение подростков с разным уровнем осознанной саморегуляции. *Ярославский педагогический вестник*, 2, 211–215.

Николаева, А. А., Савченко, И. А., Павлова, Т. С. (2019). Совладающее поведение подростков. *Образовательные ресурсы и технологии*, 2(27), 33–39.

Овчарова, Р. В. (2020). Взаимосвязь проявлений лени и конфликта саморегуляции у подростков. *Общество: социология, психология, педагогика*, 4, 76–80.

Панина, Е. В. (2011). Исследование половых особенностей саморегуляции у подростков. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 4(1(33)), 132–136.

Папшева, Л. В. (2013). Стилиевые особенности саморегуляции поведения личности в старшем подростковом возрасте. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития*, 2(1), 41–47.

Фельдштейн, Д. И. (2005). *Психология развития человека как личности*. Избранные труды в 2 т. М.: Изд-во Московского психолого-социального института.

Филатова, А.Ф. (2009). *Половые различия в становлении характера подростка: концепция, эксперимент, практика*. Монография. Омск: Сфера.

Хазова, С. А., Останина, Н. В. (2014). Возрастная специфика совладающего поведения подростков. *Сибирский педагогический журнал*, 1, 180–185.

Хасаньянова, А. А., Барышникова, Е. В. (2021). Теоретические основы эмоциональной устойчивости старших подростков. *Новые импульсы развития: вопросы научных исследований*, 1, 240–243.

Dias, P. C. (2017). Protective factors and resilience in adolescents: The mediating role of self-regulation. *Psicologia Educativa*, 23(1), 37–43. doi: <https://doi.org/10.1016/j.pse.2016.09.003>

Folkman, S., Lazarus, R., Dunkel-Schetter, C., DeLongis, A., Gruen, R. J. (1986). Dynamics of a stressful encounter: Cognitive appraisal, coping and encounter outcomes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 50(5), 992–1003. doi: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.50.5.992>

Frydenberg, E. (1997). *Adolescent Coping. Theoretical and Research Perspectives*. London: Ruothledge.

Perzow, S., Bray, B., Wadsworth, M., Young, J., Hankin, B. (2021). Individual Differences in Adolescent Coping: Comparing a Community Sample and a Low-SES Sample to Understand Coping in Context. *Journal of Youth and Adolescence*, 50(4), 693–710. doi: <https://doi.org/10.1007/s10964-021-01398-z>

Wang, M., Del Toro, J., Scanlon, C., Schall, J., Zhang, A., Belmont, A., Voltin, S., Plevniak, K. (2021). The roles of stress, coping, and parental support in adolescent psychological well-being in the context of COVID-19: A daily-diary study. *Journal of Affective Disorders*, 294, 245–253.

Zimmer-Gembeck, M. J. (2021). Coping flexibility: Variability, fit and associations with efficacy, emotion regulation, decentering and responses to stress. *Stress and Health*, 37(5), 848–861. doi: <https://doi.org/10.1002/smi.3043>

References

Akimenko, A. K. (2016). The Relationship between Coping Strategies and Social and Psychological Personal Characteristics. *Proceedings of the Saratov University. Series: Acmeology of Education. Developmental Psychology*, 5(2), 151–157. doi: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2016-5-2-151-156> (in Russ.)

Aptikieva, L. R. (2019). Psycho-pedagogical aspect of overcoming stressful situations in adolescence. *Journal of the Orenburg State University*, 2(220), 6–14. doi: <https://doi.org/10.25198/1814-6457-220-6> (in Russ.)

Bartosh, O. P., Bartosh, T. P. (2012). Age and gender features of coping behavior of adolescents. *Psychology. Psychophysiology*, 6(265), 42–46. (in Russ.)

Bubnovskaia, O. V. (2021). Impact of self-regulation on coping and psychological safety of students. *Psychology of self-regulation in the context of actual problems of education (to the 90th anniversary of the birth of O.A. Konopkin)*, 1, 150–156. doi: <https://doi.org/10.24412/cl-36466-2021-1-150-156> (in Russ.)

Bykova, E. A. (2021). To the question of the formation of strong-willed qualities in adolescence. *Journal of the Shadrinsky State Pedagogical University*, 2(50), 202–208. (in Russ.)

Dias, P. C. (2017). Protective factors and resilience in adolescents: The mediating role of self-regulation. *Psicologia Educativa*, 23(1), 37–43. doi: <https://doi.org/10.1016/j.pse.2016.09.003>

Feldstein, D. I. (2005). *Psychology of human development as a person. Selected works in 2 vol.* Moscow: Publishing house of the Moscow Psychological and Social Institute. (in Russ.)

- Filatova, A. F. (2009). *Gender differences in the formation of a teenager's character: concept, experiment, practice. Monograph.* Omsk: Sphere. (in Russ.)
- Folkman, S., Lazarus, R., Dunkel-Schetter, C., DeLongis, A., Gruen, R. J. (1986). Dynamics of a stressful encounter: Cognitive appraisal, coping and encounter outcomes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 50(5), 992–1003. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.50.5.992>
- Frydenberg, E. (1997). *Adolescent Coping. Theoretical and Research Perspectives.* London: Ruothledge.
- Galuzo, P. R. (2021). Conscious self-regulation of risky behavior of modern teenagers. *New psychology of professional work of a teacher: from unstable reality to sustainable development*, 1, 298–301. doi: <https://doi.org/10.24412/cl-36422-2021-1-298-301> (in Russ.)
- Hazova, S. A., Ostanina, N. V. (2014). Agespecific of Coping Behavior of adolescents. *Siberian Pedagogical Journal*, 1, 180–185. (in Russ.)
- Kazakova, I. V. (2021). Regulation of internal Activity as a Factor of Coping with Difficult Life Situations. *Psychopedagogy in law enforcement agencies*, 26(1(84)), 48–52. (in Russ.)
- Khasanyanova, A. A., Baryshnikova, E. V. (2021). Theoretical foundations of emotional stability of older adolescents. *New impulses of development: Issues of Scientific Research*, 1, 240–243. (in Russ.)
- Kryukova, T. L. (2005). Age and cross-cultural differences in coping strategies of personality behavior. *Psychological Journal*, 26(2), 5–15. (in Russ.)
- Kryukova, T. L. (2008). A person as a subject of coping behavior. *Psychological Journal*, 29(2), 88–95. (in Russ.)
- Lazarus, R. (1970). *Theory of stress and psychophysiological research. Emotional stress.* M.: Nauka. (in Russ.)
- Levchenko, V. O. (2009). Effect of controlling strategies upon adolescents' personality success. *Science. Innovation. Technologies*, 2, 187–192. (in Russ.)
- Morosanova, V. I. (2010). Individual features of conscious self-regulation of voluntary human activity. *Journal of the Moscow University. Series 14: Psychology*, 1, 36–45. (in Russ.)
- Nartova-Bochaver, S. K. (1997) «Coping behavior» in the system of concepts of personality psychology. *Psychological Journal*, 18(5), 20–30. (in Russ.)
- Nikolaeva, A. A., Savchenko, I. A., Pavlova, T. S. (2019). Coping behavior of teenagers. *Educational resources and technologies*, 2(27), 33–39. (in Russ.)
- Nizhegorodtseva, N. V., Tarasova, S. S. (2017). Features of Coping Behaviour of Adolescents with Different Levels of Conscious Self-Regulation. *Journal of Yaroslavl Pedagogical*, 2, 211–215. (in Russ.)
- Ovcharova, R. V. (2020). The relationship between the manifestations of laziness and conflict of self-regulation among adolescents. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, 4, 76–80. (in Russ.)

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Panina, E. V. (2011). The study of sexual characteristics of self-regulation in adolescents. *Journal of Cherepovets State University*, 4(1(33)), 132–136. (in Russ.)

Papsheva, L. V. (2013). Stylistic Peculiarities of Personality Behavior Self-regulation in Late Adolescence. *Journal of the Saratov University. Series: Acmeology of Education. Developmental Psychology*, 2(1), 41–47. (in Russ.)

Perzow, S., Bray, B., Wadsworth, M., Young, J., Hankin, B. (2021). Individual Differences in Adolescent Coping: Comparing a Community Sample and a Low-SES Sample to Understand Coping in Context. *Journal of Youth and Adolescence*, 50(4), 693–710. doi: <https://doi.org/10.1007/s10964-021-01398-z>

Vetrova, I. I. (2008). The relationship of coping behavior with behavior control and psychological protection in the system of self-regulation. Coping behavior: current state and prospects. *Institute of Psychology of the RAS*, 179–196. (in Russ.)

Wang, M., Del Toro, J., Scanlon, C., Schall, J., Zhang, A., Belmont, A., Voltin, S., Plevniak, K. (2021). The roles of stress, coping, and parental support in adolescent psychological well-being in the context of COVID-19: A daily-diary study. *Journal of Affective Disorders*, 294, 245–253.

Wasserman, L. I. (2009). Methodology for psychological diagnostics of coping methods with stressful and problematic situations for the individual. *Manual for doctors and medical psychologists*. St. Petersburg: St. Petersburg Research Psychoneurological Institute named after V. M. Bekhterev. (in Russ.)

Wasserman, L. I., Ababkov, V. A., Trifonova, E. A. (2010). *Coping with stress: theory and psychodiagnostics. Educational and methodical manual*. St. Petersburg: Rech`. (in Russ.)

Zakharova, M. V., Komarova, S. V., Karneev, R. K., Karneeva, O. A. (2019). Features of strong-willed self-regulation and coping strategies of teenagers at different stages of sports additional education. *Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University*, 9(175), 369–373. (in Russ.)

Zhukova, E. S., Bogoyavlenskaya, D. B., Artemenkov, S. L. (2021). The ratio of giftedness, intelligence, academic success and conscious self-regulation of learning activities. *Psychology of self-regulation in the context of actual problems of education (to the 90th anniversary of the birth of O.A. Konopkin)*, 1, 63–69. doi: <https://doi.org/10.24412/cl-36466-2021-1-63-69> (in Russ.)

Zimmer-Gembeck, M. J. (2021). Coping flexibility: Variability, fit and associations with efficacy, emotion regulation, decentering and responses to stress. *Stress and Health*, 37(5), 848–861. doi: <https://doi.org/10.1002/smi.3043>

УДК 159.99

Проблема особенности смыслового выбора супруга женщиной на этапе создания семьи

Елена В. Плешакова

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

E-mail: pleshakova_lenochka@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7102-8022>

Аннотация

Акт выбора будущего супруга особенно значим для женщины в силу того, что социокультурное «бремя» ошибки выбора брачного партнера для нее несравнимо выше, по сравнению с мужчиной. По предметному полю научного исследования, смысловой выбор особенно актуален для психологии. Во **Введении** представлен анализ психологических исследований по проблеме смыслового выбора отечественных и зарубежных авторов. Он показал, что, в целом, все эти исследования феноменологичны, и исследований, ориентированных на результаты, имеющие, хотя бы отчасти, обобщенность (например, через математико-статистическое обобщение), нет. Это объясняется тем фактом, что смысловой выбор трактуется как уникальное явление, связанное с конкретным человеком, вне зависимости от понимания сути смыслового выбора - как личностного, так и экзистенциального. Поэтому новизна нашего исследования состоит в отсутствии проведения ранее подобных исследований, в которых предметом выступал бы смысловой выбор женщиной супруга на этапе создания семьи. В **теоретическом обосновании** представлены причины отсутствия единого подхода к пониманию сути смыслового выбора. По мнению авторов, он отсутствует из-за трудностей при проверке теоретических положений, отличий направлений в изучении смыслового выбора по специфике предметного поля исследований, а также из-за отсутствия единого подхода в понимании динамики самого смыслообразования. В разделе **«Обсуждение результатов»** авторы определяют компоненты, интеграция которых необходима для того, чтобы определить понятие «смысловой выбор супруга женщиной на этапе создания семьи», уделяя внимание, в том числе, ценностям. Раздел **«Заключение»** содержит обобщенные результаты анализа, проведенного авторами и намеченные авторами тенденции в исследовании проблемы смыслового выбора.

Ключевые слова

семья, выбор супруга, смысл, ценности, структура, порядок в структуре, гиперболическое распределение

Для цитирования

Плешакова Е.В. Проблема особенности смыслового выбора супруга женщиной на этапе создания семьи // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2021. Т. 4, № 5. С. 79–86. doi: <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-5-79-86>

The problem of the peculiarity of the meaning choice of a spouse by a woman at the stage of creating a family

Elena V. Pleshakova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

E-mail: pleshakova_lenochka@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7102-8022>

Abstract

The act of choosing a future spouse is especially significant for a woman. This is due to the fact that the sociocultural "burden" of the mistake of choosing a marriage partner is incomparably higher for woman than for a man. In the subject field of scientific research, a meaning choice is especially relevant for psychology. The **Introduction** presents an analysis of psychological research on the problem of meaning choice by Russian and foreign authors. The analysis showed that, in general, all these studies are phenomenological, and there are no results-oriented studies that at least in part have generalization (for example, mathematical and statistical). This is explained by the fact that the semantic choice is interpreted as a unique phenomenon associated with a particular person, regardless of understanding the essence of the meaning choice - both personal and existential. Therefore, the novelty of our study lies in the absence of earlier similar studies, in which the subject would be the semantic choice of a spouse by a woman at the stage of creating a family. The **Theoretical support** presents the reasons for the lack of a unified approach to understanding the essence of meaning choice. According to the authors, it is absent due to difficulties in verifying theoretical positions, differences in directions in the study of meaning choice in terms of the specifics of the subject field of research, and also due to the lack of a unified approach to understanding the dynamics of the formation of meaning itself. In the **"Discussion of the results"** section, the authors define the components, the integration of which is necessary in order to define the concept of "the meaning choice of a spouse by a woman at the stage of creating a family", paying attention, among other things, to values. The section **"Conclusion"** contains the generalized results of the analysis carried out by the authors and the trends outlined by the authors in the study of the problem of the meaning choice.

Keywords

family, choice of spouse, meaning, values, structure, order in the structure, hyperbolic distribution

For citation

Pleshakova E.V. (2021). The problem of the peculiarity of the meaning choice of a spouse by a woman at the stage of creating a family. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 4(5), 79–86. doi: <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-5-79-86>

Введение

Эффективность функционирования такого социального института, как семья, имеет колоссальное значение для эффективности функционирования любого общества. Вследствие, научное изучение причин, условий, факторов, механизмов и динамики функционирования семьи актуально для многих научных дисциплин и должно носить междисциплинарный характер, где свое достойное место должна занять психология. В динамике развития семьи выделяются этапы, которые включены в общий процесс и определяют его функционирование, но, тем не менее, имеют относительно самостоятельный статус. Акт выбора будущего супруга, несомненно, можно отнести к таким этапам.

Психологических исследований, в которых смысловой выбор супруга выступал бы предметом отдельного исследования, не проводилось, хотя различные аспекты выбора будущего супруга (супруги) как в зарубежной, так и в отечественной психологии, изучались. В зарубежной психологии – это исследования мотивационного выбора в психоанализе (Winch, 1955), когнитивной психологии (Murstein, 1970; Centers, 1975), гуманистической психологии (Peter, Landy, 1991). Также, в зарубежных исследованиях изучается влияние внешних факторов на выбор супруга, таких как, например, наличие несемейного опыта (Ghimire, Axinn, Yabiku, Thornton, 2006; Cazes, 2006).

В отечественной психологии работ такого плана относительно меньше (Айгумова, Айгунов, 2010). Анализ отечественных работ показал, что в них обнаруживается два наиболее «негативных» момента. Во-первых, относительно низкая «проработанность» всех исследований в методологически-понятийном плане: 1) понятия «мотив выбора», «мотивация выбора», «мотивационная сфера выбора» используются вне понятийного контекста понятия «мотив», «мотивация», «мотивационная сфера»; 2) словосочетание «смысловой выбор» используется в работе в «литературном» контексте, нежели имеет научный статус (Айгумова, Айгунов, 2010). Во-вторых, эмпирические результаты отличаются низкой валидностью в силу того, что слабо инструментально «обеспечены».

Теоретическое обоснование

Сегодня в психологии нет однозначного определения понятия «смысловой выбор» в силу того, что нет единого подхода к пониманию сути такого выбора. Причин тому несколько и, как нам представляется, среди основных можно назвать следующие:

1) так как смысловой выбор – это один из актов смыслообразования (смыслопроявления) (Абакумова, 2003), то должен быть единый подход в понимании динамики самого смыслообразования, а сегодня в методологии изучения смыслов (Леонтьев, 2007) существуют два связанных, но не дополняющих друг друга, подхода в понимании «динамики смысловых образований»: «большая», связанная с жизнедеятельностью человека в целом, и «малая», связанная с его конкретной деятельностью,

2) в силу сложности и многомерности объекта исследования (смысловой сферы человека), в психологии существует несколько направлений в изучении смыслового выбора, которые, «пересекаясь» в некоторых аспектах методологии (системность, трансперсональность, уникальность и т. д.), в то же время, отличаются друг от друга по специфике предметного поля исследований, что проявляется не только в определении понятия «смысловой выбор», но и в понимании механизмов ее становления. И. В. Абакумова делает акцент на генетических аспектах такого выбора (Абакумова, Годунов, Гурцкой, 2019), Д. А. Леонтьев делает акцент на основных критериях смыслового выбора (Леонтьев, Пилипко, 1995), Е. В. Клочко делает акцент на многомерности и многоуровневости структуры смыслового выбора (Клочко, Галажинский, 2009).

3) теоретические положения очень трудно проверить на эмпирическом уровне, так как все психологические работы в этой области отличаются феноменологичностью, что объясняется тем фактом, что смысловой выбор трактуется как явление уникальное, индивидуальное, связанное с конкретным человеком.

Обсуждение результатов

В такой ситуации для изучения этого феномена логично обратиться к более обобщенному понятию «смысловой выбор». Но мы сталкиваемся с тем фактом, что существует несколько концепций, отражающих те или иные аспекты этого феномена.

Взятые в отдельности, и условия смыслового выбора, и его механизмы, не позволяют определить суть понятия «смысловой выбор супруга женщиной на этапе создания семьи». Но и просто их элементарный набор так же не отражает сущность этого феномена.

Например. Можно ли условие «высокая значимость выбора для личности» считать достаточным для определения понятия. Мы считаем, что нет, учитывая современный социокультурный контекст (отношение к разводу). У Д. А. Леонтьева

понятие «альтернатива» лежит в «базисе» смыслового, хотя многие словари уже на постоянной основе включают слово «выбор» в определение понятия «альтернатива» (Леонтьев, 2007).

Мы посчитали, что для того, чтобы определить понятие «смысловой выбор супруга женщиной на этапе создании семьи», необходимо добавление чего-то значимого для интегрирования всего того, что было названо выше. Косвенно, направление дальнейшего анализа задаются в концепции смыслового выбора И. В. Абакумовой (выделяется роль неповторимого опыта, эмоциональных предпочтений, когнитивных стилей мышления) и Д. А. Леонтьева (интересы, убеждения, установки) (Леонтьев, 2007).

В рамках такой «подсказки» и на основе анализа литературы, мы считаем, нужно обратиться к ценностям – ценностям семьи, определяемым функциями современной семьи. Отметим, что смысловой выбор супруга на этапе создания семьи нужно изучать в связи с индивидуальной системой семейных ценностей женщины, совершающей выбор. Индивидуальная система ценностей здесь представляет собой совокупность личностных ценностей, которые в рамках семьи пересекаются в пространстве общечеловеческих ценностей относительно функций семьи, ее целей, задач и содержания ее существования. Ярким примером влияния ценностей на смысловой выбор супруга является принятие или отвержение возможности межкультурного брака (Алагуев, 2021).

Эти ценности образуют систему, структура которой характеризуется порядком, который и будет проявляться в смысловом выборе супруга. Мера такого порядка определяется соотношением между количественной выраженностью слабо функционально зависимых семейных ценностей у женщины в их совокупной значимости, которая ограничивается особенностями личности женщины и ситуацией вступления в брак (объективная возможность выбора, экономический и социальный статус, возраст женщины и т. д.). Так, например, исследователи гендерного аспекта выбора супруга выявили, что для женщин Индонезии как принадлежность к семейному классу, так и образование очень важны при выборе мужа (Malhotra, 1991).

Изучать количественно-структурную организацию слабо функционально зависимых семейных ценностей у женщины в ситуации вступления в брак можно в соответствии с моделью количественного подхода к изучению структуры психологических феноменов, предложенную В. А. Дорофеевым (Дорофеев, 2019). Мера совокупной значимости слабо функционально зависимых семейных ценностей у женщины ограничивается особенностями личности женщины и ситуацией вступления в брак (объективная возможность выбора, экономический и социальный статус, возраст женщины и т. д.). Структурная организация семейных ценностей имеет свою меру, определяемую соотношением между количественной выраженностью слабо функционально зависимых семейных

ценностей у женщины. Математически мера структурности отражена в ранговом по параметру гиперболическом H -распределении. Параметры этого распределения имеют общесистемную интерпретацию и, таким образом, могут быть интерпретированы применительно смысловому выбору супруга женщиной на этапе создания семьи.

Заключение

Проведенный анализ имеющихся концептуальных моделей психологической сути «смыслового выбора» и формально – содержательные аспекты специфики смыслового выбора будущего супруга, позволил нам ввести рабочее понятие «смысловой выбор супруга женщиной на этапе создания семьи» и дать ему такое определение «Смысловой выбор супруга женщиной на этапе создания семьи – это выбор, осуществленный женщиной одной альтернативы из всей совокупности возможных на основе порядка в структуре ее семейных ценностей и в условиях относительно высокой значимости этого выбора».

Конечно, предложенная модель формализации в изучении смыслового выбора супруга женщиной на этапе создания семьи потребует доработки. Потребуется существенная эмпирическая проверка выдвинутых предположений с последующей коррекцией, в том числе, и теоретических положений. Трудности возникнут при эмпирическом изучении смыслов в силу их онтологического статуса, в определении соразмерности в выраженности семейных ценностей у женщины. Тем не менее, как нам представляется, перспективы имеются и их необходимо реализовывать.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

- Абакумова, И. В. (2003). *Смыслообразование в учебном процессе. (Диссертация)*. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет.
- Абакумова, И. В., Годунов, М. В., Гурцкой, Д. А. (2019). Смысловой выбор как психологическая проблема. *Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика*, 29(4), 413–420.
- Айгумова, З. И., Айгунов, В. Р. (2010). *Мотивация выбора супруга: Монография*. М.: «Прометей» МПГУ.
- Алагуев, М. В. (2021). Вступление в межкультурный брак: факторы выбора брачного партнера. *Национальный психологический журнал*, 1(41), 63–75.
- Дорофеев, В. А. (2019). Системный взгляд на проблему доверия руководителю в организации. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 8–1(26), 113–117.
- Клочко, Е. В., Галажинский, Э. В. (2009). *Психология инновационного поведения*. Томск: ТГУ.

Леонтьев, Д. А. (2007). *Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности*. 3-е изд. доп. М.: Смысл.

Леонтьев, Д. А., Пилипко, Н. В. (1995). Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования. *Вопросы психологии*, 1, 97–111.

Cazes, M.-H. (2006). An Example of Demographic Anthropology, the Study of Matrimonial Exchanges – Endogamy, Choice of Spouse and Preferential Marriage. *Collegium Antropologicum*, 30(3), 475–478.

Centers, R. (1975). *Sexual Attraction and Love: An Instrumental Theory*. (Illinois: Charles C. Thomas Publisher).

Ghimire, D. J., Axinn, W. G., Yabiku, S. T., Thornton, A. (2006). Social Change, Premarital Nonfamily Experience, and Spouse Choice in an Arranged Marriage Society. *American Journal of Sociology*, 111(4), 1181–1218.

Mallhotra, A. (1991). Gender and changing generational relations: Spouse choice in Indonesia. *Demography*, 28(4), 549–570. doi: <https://doi.org/10.2307/2061422>

Murstein, B. I. (1970). Stimulus. Value. Role: A Theory of Marital Choice. *Journal of Marriage and Family*, 32(3), 465–481. doi: <https://doi.org/10.2307/350113>

Peter, M., Landy, L. (1991). Divorce and the Wheel Theory of Love. *Journal of Divorce & Remarriage*, 15(1–2), 3–22. doi: https://doi.org/10.1300/J087v15n01_02

Winch, R. F. (1955). The theory of complementary needs in mate selection. *American Sociological Review*, 20, 552–555. doi: <https://doi.org/10.2307/2092563>

References

Abakumova, I. V. (2003). *Meaning formation in the educational process*. (Dissertation). Rostov-on-Don: Rostov State University. (in Russ.).

Abakumova, I. V., Godunov, M. V., Gurtskoy, D. A. (2019). Meaning choice as a psychological problem. *Vestnik of the Udmurt University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 29(4), 413–420. (in Russ.).

Aigumova, Z. I., Aigunov, V. R. (2010). *Motivation for Choosing a Spouse: a Monograph*. Moscow: "Prometheus" Moscow Pedagogical State University. (in Russ.).

Alaguev, M. V. (2021). Entering into an intercultural marriage: factors in choosing a marriage partner. *National Psychological Journal*, 1(41), 63–75. (in Russ.).

Dorofeev, V. A. (2019). A systematic view of the problem of trust in a leader in an organization. *Research Azimuth: Pedagogy and Psychology*, 8–1(26), 113–117. (in Russ.).

Cazes, M.-H. (2006). An Example of Demographic Anthropology, the Study of Matrimonial Exchanges – Endogamy, Choice of Spouse and Preferential Marriage. *Collegium Antropologicum*, 30(3), 475–478.

Centers, R. (1975). *Sexual Attraction and Love: An Instrumental Theory*. (Illinois: Charles C. Thomas Publisher).

Ghimire, D. J., Axinn, W. G., Yabiku, S. T., Thornton, A. (2006). Social Change, Premarital Nonfamily Experience, and Spouse Choice in an Arranged Marriage

Society. *American Journal of Sociology*, 111(4), 1181–1218.

Klochko, E. V., Galazhinsky, E. V. (2009). *Psychology of innovative behavior*. Tomsk: Tomsk State University. (in Russ.).

Leontiev, D. A. (2007). *Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of meaning reality*. 3rd ed. add. Moscow: Smysl. (in Russ.).

Leontiev, D. A., Pilipko, N. V. (1995). Choice as an Activity: Personal Determinants and Possibilities of Formation. *Questions of psychology*, 1, 97–111. (in Russ.).

Malhotra, A. (1991). Gender and changing generational relations: Spouse choice in Indonesia. *Demography*, 28(4), 549–570. doi: <https://doi.org/10.2307/2061422>

Murstein, B. I. (1970). Stimulus. Value. Role: A Theory of Marital Choice. *Journal of Marriage and Family*, 32(3), 465–481. doi: <https://doi.org/10.2307/350113>

Peter, M., Landy, L. (1991). Divorce and the Wheel Theory of Love. *Journal of Divorce & Remarriage*, 15(1–2), 3–22. doi: https://doi.org/10.1300/J087v15n01_02

Winch, R. F. (1955). The theory of complementary needs in mate selection. *American Sociological Review*, 20, 552–555. doi: <https://doi.org/10.2307/2092563>

УДК 159.99

Психологические особенности сотрудников строительных компаний, определяющих уровень их профессиональной успешности

Елена С. Щербакова*, Анастасия В. Гришина, Анна М. Кукуляр

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

*E-mail: alena_shaf@inbox.ru

*ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8802-5784>

Аннотация

В статье представлены результаты исследования специфики психологических особенностей личности сотрудников строительных компаний, определяющих уровень их профессиональной успешности. Во **Введении** дано определение профессиональной успешности, приведена специфика профессиональной деятельности строителя с точки зрения психологического знания. Новизна исследования заключается в отражении специфики психологических особенностей профессионально успешных строителей. В разделе **«Методы»** описаны основные методики эмпирического исследования: авторская анкета-опросник, опросник «Уровень самооценки» С. В. Ковалев; «Якоря карьеры» Э. Шейн; Личностные факторы принятия решения (Т. В. Корнилова); Экспресс-диагностика барьеров в управленческой деятельности; Диагностика реализации потребностей в саморазвитии (Н. П. Фетискин). При обработке данных использовался R-критерий Спирмена. В исследовании приняли участие 50 сотрудников строительных компаний в возрасте от 28 до 53 лет, со стажем управленческой деятельности не менее 3 лет. В разделе **«Результаты»** представлены результаты относительно высокого и среднего уровня самооценки высоко успешных строителей. С помощью R-критерия Спирмена у группы высоко успешных строителей с высоким уровнем самооценки выявлена положительная связь с такими параметрами ценностных ориентаций в карьере как менеджмент, служение и интеграция стилей жизни, и такой стратегией принятия решений как бдительность. Отрицательная корреляционная связь была выявлена с мотивационным компонентом саморазвития. У группы высоко успешных строителей со средним уровнем самооценки существует положительная связь с таким параметром ценностных ориентаций в карьере как интеграция стилей жизни, степенью перегруженности в процессе выполнения своих задач, и такими стратегиями принятия решений как сверхбдительность и стабильность. Отрицательная корреляционная связь была выявлена с мотивационным компонентом саморазвития. В разделе **«Обсуждение результатов»**

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

представлен сравнительный анализ полученных нами данных с результатами других исследований в рамках изучаемой тематики. В **Заключении** приводятся выводы эмпирического исследования и поставлен вопрос об экспериментальном характере будущих исследований в данном направлении.

Ключевые слова

профессиональная успешность, строители, строительные компании, уровень успешности, психологические особенности строителей

Для цитирования

Щербакова Е.С., Гришина А.В., Кукуляр А.М. Психологические особенности сотрудников строительных компаний, определяющих уровень их профессиональной успешности // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2021. Т. 4, № 5. С. 87–103. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-5-87-103>

Psychological characteristics of employees of construction companies that determine the level of their professional success

Elena S. Shcherbakova*, Anastasia V. Grishina, Anna M. Kukulyar

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

*E-mail: alena_shaf@inbox.ru

*ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8802-5784>

Abstract

The article presents the results of a study of the specifics of the psychological characteristics of the personality of employees of construction companies that determine the level of their professional success. In the **Introduction**, the definition of professional success is given, the specifics of the professional activity of the builder from the point of view of psychological knowledge are given. The section **"Methods"** describes the main methods of empirical research: the author's questionnaire, the questionnaire "Self-esteem level" S. V. Kovalev; "Career anchors" E. Shane; Personal decision-making factors (T. V. Kornilova); Express diagnostics of barriers in management activities; Diagnostics of the realization of self-development needs (N.P. Fetiskin). Spearman's R-criterion was used in data processing. The study involved 50 employees of construction companies aged 28 to 53 years with at least 3 years of managerial experience. The **Results** section presents the results of a relatively high and average level of self-esteem of highly successful builders. Using Spearman's R-criterion, a group of highly successful builders with a high level of self-esteem revealed a positive relationship with such parameters of value orientations in a career as management, service and integration

of lifestyles, and such a decision-making strategy as vigilance. A negative correlation was found with the motivational component of self-development. A group of highly successful builders with an average level of self-esteem has a positive relationship with such a parameter of value orientations in a career as the integration of lifestyles, the degree of overload in the process of performing their tasks, and such decision-making strategies as over-vigilance and stability. A negative correlation was found with the motivational component of self-development. The section "**Discussion of the results**" presents a comparative analysis of the data obtained by us with the results of other studies within the framework of the topic under study. In **Conclusion**, the conclusions of the empirical study are presented and the question of the experimental nature of future research in this direction is raised.

Keywords:

professional success, builders, construction companies, the level of success, psychological characteristics of builders

For citation

Shcherbakova E.S., Grishina A.V., Kukulyar A.M. (2021). Psychological characteristics of employees of construction companies that determine the level of their professional success. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 4(5), 87–103. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-5-87-103>

Введение

Современные тенденции в изучении понятий «профессионального развития» и «профессиональной успешности» отражены, как предмет научной рефлексии в зарубежной и отечественной психологии.

Ю. П. Поваренков в своей теории профессионального развития отмечает: «Профессионализация определяется, как процесс формирования личности и деятельности профессионала. Личностью профессионала описано, как интегральное системное качество, которое проявляется на определенном этапе профессионального развития индивида и имеет закономерность» (Поваренков, 1992а).

Автором были выделены основополагающие критерии развития личности в рамках теории профессионального развития. Ю. П. Поваренков рассматривает профессиональное развитие личности через призму его профессиональной зрелости, идентичности и продуктивности реализуемой деятельности. Идентифицируют личность, как профессионала такие критерии, как продуктивность, идентичность и профессиональная зрелость. Отмечается так же, что этапы жизненного пути человека коррелируют с этапами его профессионального развития и формами проявления активности. Так же отмечается индивидуализация личности в профессиональном плане и уровень социализации, как

в профессиональном коллективе, так и в повседневной жизни (Поваренков, 1992b).

Автор определил закономерности в стадиях развития личности, которые чаще всего синхронизированы с: «...этапами профессиональной социализации:

- допрофессиональное развитие личности, характерно развитие базовых навыков и подготовка к выбору профессии;
- особенности поиска будущей профессии;
- профессиональное обучение;
- профессиональная деятельность» (Поваренков, 1992b).

Конкретизация концепции содержит в себе компоненты и этапы профессионального развития. Автор концентрирует внимание на тезисе о том, что системообразующим фактором становления личности является конвергенция субъективных и объективных факторов профессионализма. Отмечает, что соотношение индивидуальных и социальных факторов может меняться, в зависимости от этапа профессионального развития. Как пример, наличие социализации и необходимости признания в коллективе, на начальном этапе и концентрация на профессиональной индивидуализации в более поздние периоды.

Исследованием профессиональной компетентности занимались и другие исследователи, А. А. Деркач и В. Г. Зазыкин определяли характеристики подсистемы профессионализма, как взаимосвязь базисных умений, специальных навыков и профессиональной компетенции, основываясь на акмеологической концепции профессионального развития индивида, указывая на принципы профессионального развития, за основу различия берется подход к развитию, а именно содержательный и структурно-процессуальный (Деркач, Зазыкин, Маркова, 2000).

Отдельным образом они выделяют мотивационную составляющую, образующуюся посредством совокупности факторов, которые стимулируют личностные достижения. Авторы в своих трудах отмечают важную роль подсистему профессиональной и нравственной нормативности поведения в формировании системы регуляции поведения (Деркач, Зазыкин, Маркова, 2000).

Другую картину участия личности профессионала в трудовой деятельности показывает модель профессионального развития. Личность человека неотделима от его профессиональных качеств и навыков. Здесь главенствующую роль занимает утверждение, что личность преодолевает в ходе профессиональной деятельности противоречия и конфликты, вызванные внешним регулированием и внутренней активности, вследствие чего развивается (Деркач, 2004).

Согласно подходу Э. Ф. Зеер «для модели профессионального развития свойственно осознание человеком своих потенциальных возможностей и перспективы профессионального роста, что побуждает его к творчеству и постоянному поиску. Данная стратегия характеризуется способностью выйти за пределы потока повседневной практики, увидеть целостную картину своей деятельности

и изучать ее как предмет практического преобразования. Основным решающим элементом профессионального развития, является наличие возможности свободно делать выбор, а, следовательно, ощущать свою личную свободу, а также и свою ответственность за происходящее» (Зеер, 2005).

Э. Ф. Зеер под профессиональным развитием понимает «фундаментальный процесс изменения человека, как объяснительный принцип становления профессионализма и ценность профессионального сообщества» (Зеер, 2005).

Концепцию создания эффективной системы управления развивала Е. З. Смирнова, под которой автор понимает «совокупность индивидуально-психологических особенностей человека, обеспечивающая наибольшую эффективность его общественно полезной деятельности и удовлетворенность своим трудом» (Смирнова, 1997).

Согласно представлениям Л. А. Коростылевой относительно процесса самореализации личности в профессиональной сфере, отмечено следующее: «Используемые субъективные стратегии определяют меру адекватности процесса самореализации. Лица, использующие адекватные стратегии, решают свои жизненные проблемы более успешно и за меньший промежуток времени. Часто их затруднения объясняются малым выбором (соответственно, либо места работы, либо возможных претендентов). Адекватные субъективные стратегии самореализации личности обусловлены, прежде всего, фактором жизнестойкости» (Коростылева, 2005).

Стоит особенно внимательно изучить «Подход развивающей перспективы» Д. Сьюпера, что по праву является доминирующим в мировой психологической науке.

Главную мысль концепции профессионального развития иллюстрируется следующими основными положениями: «способности, интересы и определенные свойства являются главными характеристиками личности; каждый индивид может подходить к нескольким профессиям, а профессия – к нескольким индивидам; в зависимости от времени и опыта как объективные, так и субъективные условия профессионального развития подвергаются изменениям, что и является причиной множественного профессионального выбора; профессиональное развитие состоит из ряда последовательных стадий; особенности карьерного развития определяются различными факторами, как внешними (социально-экономическим уровнем родителей, профессиональными возможностями), так и внутренними (свойствами индивида); смысл профессионального развития заключается в формировании и реализации Я-концепции; удовлетворенность трудом работника зависит от того, в какой степени индивид способен находить адекватные возможности для реализации своих способностей и интересов; управлять профессиональным развитием индивида на каждом этапе возможно как по средством формирования у индивида определенных интересов и способностей,

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

так и при оказании поддержки в стремлении индивида подробно узнать о различных видах профессий; взаимодействие Я-концепции и реальности происходит при проигрывании и исполнении профессиональных ролей, например, в фантазии, в беседе с профконсультантом или в реальной жизни. Принципиальное значение для автора концепции имеют индивидуальные профессиональные предпочтения и типы карьер как способы реализации индивидом Я-концепции» (Super, Bahn, 1971).

В концепции Э. Гинцберга «профессиональное развитие – это последовательность качественно специфических фаз, где разделительным критерием выступают содержание и форма перевода индивидуальных импульсов в профессиональные желания» (Ginzberg, Ginsburg, Axelrad, Herma, 1951).

Рассмотрим теорию «карьерных якорей» Э. Шейна: «...в которой процесс развития карьеры определен, как процесс медленного развития профессиональной самоконцепции и самоопределения в терминах собственных способностей, талантов, мотивов, потребностей, отношений и ценностей. Карьерный якорь представляет собой интерес или склонность, от которых индивид не откажется в ситуации профессионального выбора. Помимо этого, карьерный якорь является отражением восприятия личности самой себя в контексте своей профессиональной роли на предприятии. Карьерный якорь – это то, что удерживает работника на его месте. Если якорь по какой-либо причине отсутствует, то работник стремится к перемене своей роли в организации или меняет место работы» (Schein, 1996).

По мнению Д. Холланда, процесс профессионального развития связан с выбором индивида личностного типа и выбор одного из четырех квалификационных уровней профессиональной сферы, определяющейся по средству развития интеллекта и самооценки (Holland, 1968).

В нашем исследовании мы будем опираться как на отечественные, так и зарубежные исследования, поскольку считаем, что на профессиональную успешность сотрудника строительной компании могут оказывать влияние: уровень самооценки, потребность в саморазвитии, личностные факторы принятия решения, специфика взаимодействия с руководством, а также барьеры в профессиональной деятельности.

Таким образом, **цель** нашего **исследования** заключается в изучении психологических особенностей сотрудников строительных компаний, определяющих уровень их профессиональной успешности.

Методы

В качестве эмпирического объекта выступили 50 сотрудников строительных компаний в возрасте от 28 до 53 лет. Нами были изначально отобраны высоко успешные сотрудники, которые занимают руководящие должности

в строительных компаниях г. Ростова-на-Дону не менее 3 лет, имеют достаточно высокий уровень дохода и пользуются авторитетом у коллег и руководителей компаний.

Первоначальный отбор респондентов производился нами на основании авторской анкеты. В ходе анкетирования нами были получены необходимые данные для уточнения стажа работы в области строительства, уровень профессионального мастерства и успешности, а также степень удовлетворенности занимаемой должностью. На основании анкетных данных и уровня занимаемой должности нами были отобраны 50 основных респондентов, участвующих в исследовании.

Далее нами было осуществлено эмпирическое исследование согласно перечню заявленных методик: Опросник «Уровень самооценки» С. В. Ковалев; «Якоря карьеры» Э. Шейн (в адаптации В. Э. Винокуровой и В. А. Чикер); Личностные факторы принятия решения (Т. В. Корнилова); Экспресс-диагностика барьеров в управленческой деятельности; Диагностика реализации потребностей в саморазвитии (Н. П. Фетискин).

Статистический анализ полученных данных осуществлялся нами по R-критерию Спирмена.

Результаты

По опроснику «Уровень самооценки» С. В. Ковалева выявлено, что среди всей выборки высоко успешных сотрудников строительных компаний высоким уровнем самооценки обладает 24 человек (48%), средним (нормальным) уровнем самооценки обладает 15 человек (30%) и низким уровнем обладает 11 человек (22%) (Рисунок 1).

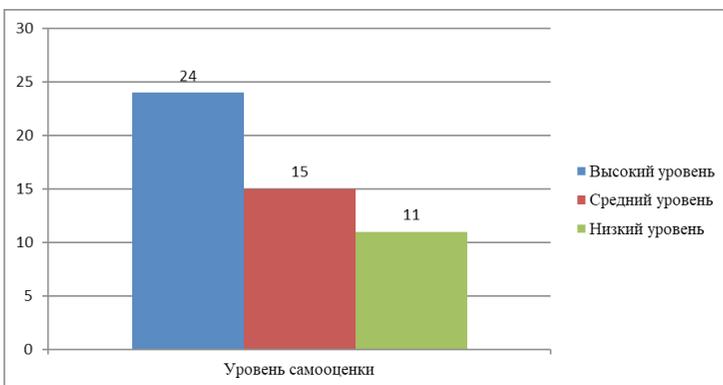

Рисунок 1. Уровни самооценки среди всей группы сотрудников строительных компаний

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

По методике «Якоря карьеры» Э. Шейн (в адаптации В. Э. Винокуровой и В. А. Чикер) выявлено, что в группе строителей с высоким уровнем самооценки преобладает такие ценностные ориентации в карьере как Служение (8,8) и Менеджмент (8,8). Для группы строителей со средним и низким уровнем самооценки ведущими выступают такие ценностные ориентации в карьере как интеграция стиля жизни (8,4 и 7,3). Представленность данной ориентации отражает наличие стремления в сохранении гармонии между сложившейся жизнью и карьерой.

Наравне с этим в группе строителей с низким уровнем самооценки также преобладает такая ориентация как стабильность (8,1), свидетельствующая о желании жить в одном месте (без переездов и командировок), как можно реже менять работу и т. д. (Рисунок 2).

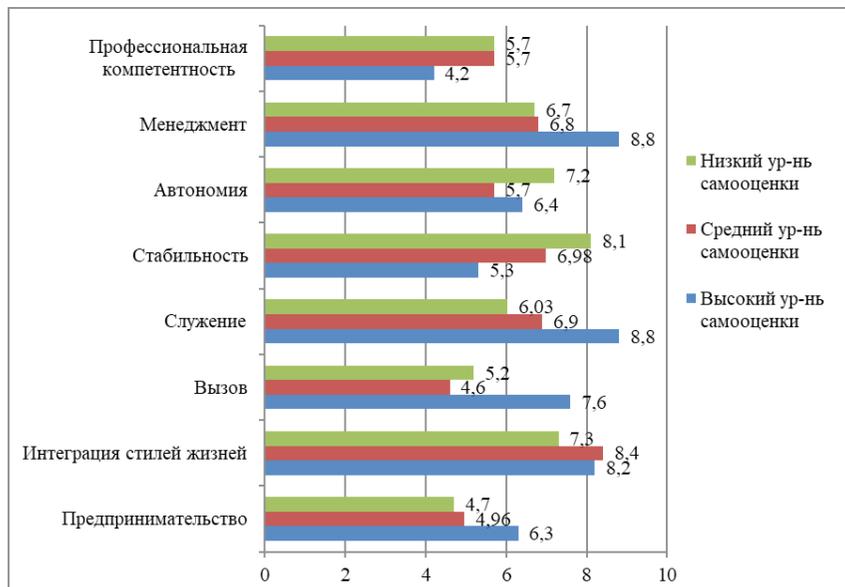

Рисунок 2. Представленность ценностных ориентаций в карьере среди всей группы сотрудников строительных компаний

По экспресс-диагностике барьеров в управленческой деятельности нами были выявлены следующие особенности процесса выполнения своих профессиональных обязанностей у строителей, которые представлены ниже на Рисунке 3.

В результате полученных данных можно заключить, что среди всей группы строителей вне зависимости от уровня самооценки конфликтность рабочей

обстановки, степень перегрузки в процессе выполнения своих обязанностей, неопределенность положения в организации, взаимоотношения с руководством находятся в интервале значений от 4 до 8, что свидетельствует о некоторой степени перегрузки в исследуемых областях.

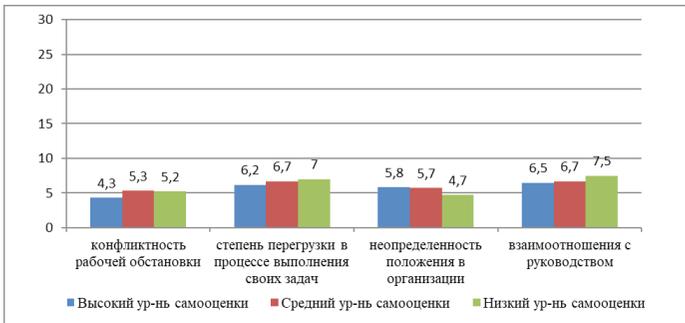

Рисунок 3. Представленность особенностей процесса выполнения своих профессиональных обязанностей у строителей

Далее, по опроснику «Личностные факторы принятия решения» (Т. В. Корнилова), нами были получены следующие результаты, которые представлены ниже на Рисунке 4.

Представленные данные позволяют заключить, что среди всей группы строителей, не зависимо от уровня самооценки, такие стратегии принятия решений как бдительность, избегание, прокрастинация и сверхбдительность находятся в рамках нормы, что свидетельствует об использовании этих стратегий в ситуации неопределенности в равной степени. Таким образом, данные стратегии, строителями с различными уровнями самооценки, используются по мере необходимости в профессиональной деятельности.

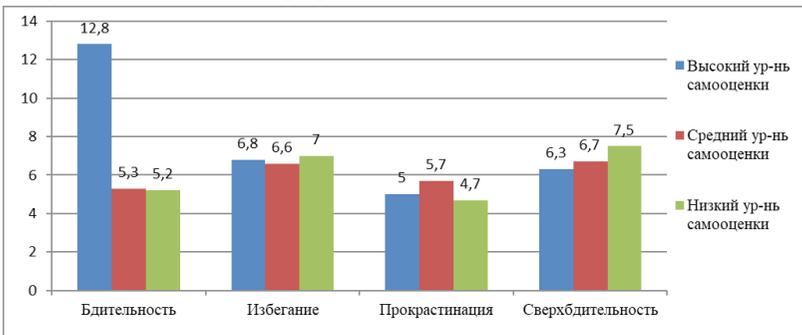

Рисунок 4. Представленность стратегий принятия решений у строителей

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Отметим, что только в группе строителей с высоким уровнем самооценки такая стратегия как бдительность используется наиболее часто, о чем говорят высокие значения по шкале –12,8. Таким образом, строители с высоким уровнем самооценки опираются на рациональность, рефлексивность, контроль за различными сферами деятельности.

Общей тенденцией в выборе стратегий принятия решений в группах со средним и низким уровнем самооценки выступает избегание (6,6 и 6,7) и сверхбдительность (6,7 и 7,5), что свидетельствует о применении этих непродуктивных стратегий группами строителей в ситуации неопределенности.

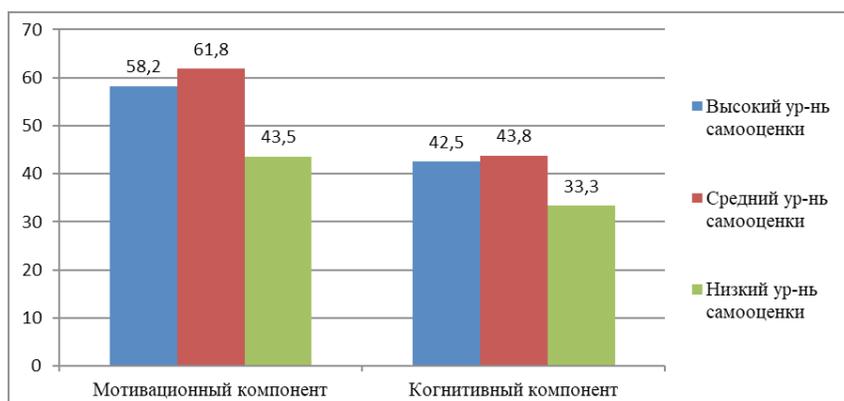

Рисунок 5. Представленность особенностей саморазвития среди всей группы строителей

Анализируя особенности саморазвития по методике Н. П. Фетискина, среди всей группы строителей можно заключить следующее: у строителей с высоким и средним уровнем самооценки низкие мотивационный (58,2 и 42,5) и когнитивный (61,8 и 43,8) компоненты профессионального саморазвития. Полученные данные свидетельствуют об отсутствии у строителей с высоким и средним уровнем самооценки когнитивной установки и мотивационной составляющей к саморазвитию.

Однако, группа строителей с низким уровнем самооценки отличается средним уровнем профессионального саморазвития, относительно когнитивной (43,5) и мотивационной (33,3) составляющей. Таким образом, у данной группы строителей можно отметить некоторое стремление к профессиональному саморазвитию.

Далее перейдем к статистическому анализу полученных данных. Анализ результатов исследования осуществлялся с использованием средств математической статистики – нами был использован R-критерий Спирмена относительно

каждой выделенной нами группы строителей согласно их уровню самооценки. Отметим, что все строители обладают высоким уровнем успешности.

Результаты корреляционного анализа относительно группы высоко успешных строителей с высоким уровнем самооценки представлены ниже в Таблице 1.

Анализ полученных корреляционных данных показал, что у группы высоко успешных строителей с высоким уровнем самооценки существует положительная связь с такими параметрами ценностных ориентаций в карьере как менеджмент, служение и интеграция стилей жизни. Положительная связь выявлена между высоким уровнем самооценки и взаимоотношениями с руководством, и такой стратегией принятия решений как бдительность.

Отрицательная корреляционная связь у высоко успешных строителей с высоким уровнем самооценки выявлена с мотивационным компонентом саморазвития.

Результаты корреляционного анализа относительно группы высоко успешных строителей со средним уровнем самооценки представлены ниже в Таблице 2.

Анализ полученных корреляционных данных показал, что у группы высоко успешных строителей со средним уровнем самооценки существует положительная связь с таким параметром ценностных ориентаций в карьере как интеграция стилей жизни. Положительная связь выявлена между высоким уровнем самооценки и взаимоотношениями с руководством, степенью перегруженности в процессе выполнения своих задач, и такой стратегией принятия решений как сверхбдительность.

Отрицательная корреляционная связь у высоко успешных строителей со средним уровнем самооценки выявлена с мотивационным компонентом саморазвития.

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа психологических особенностей высоко успешных строителей с высоким уровнем самооценки показателями стандартизированных методик

Переменные	Кол-во человек	Коэффициент корреляции (Rs)	Значимость
Высокий уровень самооценки & Менеджмент	24	0,438	$p \leq 0,5$
Высокий уровень самооценки & Служение	24	0,719	$p \leq 0,01$
Высокий уровень самооценки & Интеграция стилей жизни	24	0,840	$p \leq 0,01$
Высокий уровень самооценки & Взаимоотношения с руководством	24	0,439	$p \leq 0,5$

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа психологических особенностей высоко успешных строителей с высоким уровнем самооценки показателями стандартизированных методик

Переменные	Кол-во человек	Коэффициент корреляции (Rs)	Значимость
Высокий уровень самооценки & бдительность	24	0,841	$p \leq 0,01$
Высокий уровень самооценки & мотивационный компонент саморазвития	24	-0,463	$p \leq 0,5$

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа психологических особенностей высоко успешных строителей со средним уровнем самооценки показателями стандартизированных методик

Переменные	Кол-во человек	Коэффициент корреляции (Rs)	Значимость
Средний уровень самооценки & интеграция стилей жизни	15	0,444	$p \leq 0,5$
Средний уровень самооценки & Степень перегрузки в процессе выполнения своих задач	15	0,569	$p \leq 0,01$
Средний уровень самооценки & Взаимоотношения с руководством	15	0,659	$p \leq 0,01$
Средний уровень самооценки & Сверхбдительность	15	0,626	$p \leq 0,01$
Средний уровень самооценки & Мотивационный компонент саморазвития	15	-0,613	$p \leq 0,01$

Результаты корреляционного анализа относительно группы высоко успешных строителей с низким уровнем самооценки представлены ниже в Таблице 3.

Анализ полученных корреляционных данных показал, что у группы высоко успешных строителей со средним уровнем самооценки существует положительная связь с таким параметром ценностных ориентаций в карьере как стабильность. Положительная связь выявлена между высоким уровнем самооценки и взаимоотношениями с руководством, избеганием, и такой стратегией принятия решений как сверхбдительность. Положительная корреляционная связь у высоко успешных строителей с низким уровнем самооценки выявлена с когнитивным компонентом саморазвития.

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа психологических особенностей высоко успешных строителей с низким уровнем самооценки показателями стандартизированных методик

Переменные	Кол-во человек	Коэффициент корреляции (Rs)	Значимость
Низкий уровень самооценки & Стабильность	11	0,718	$p \leq 0,01$
Низкий уровень самооценки & Взаимоотношения с руководством	11	0,709	$p \leq 0,01$
Низкий уровень самооценки & Избегание	11	0,717	$p \leq 0,01$
Низкий уровень самооценки & Сверхбдительность	11	0,654	$p \leq 0,01$
Низкий уровень самооценки & Когнитивный компонент саморазвития	11	0,721	$p \leq 0,01$

В результате проведенного исследования можно заключить, что у группы высоко успешных строителей с высоким уровнем самооценки существует положительная связь с такими параметрами ценностных ориентаций в карьере как менеджмент, служение и интеграция стилей жизни. Положительная связь выявлена между высоким уровнем самооценки и взаимоотношениями с руководством, и такой стратегией принятия решений как бдительность. Отрицательная корреляционная связь у высоко успешных строителей с высоким уровнем самооценки выявлена с мотивационным компонентом саморазвития.

Установлено, что у группы высоко успешных строителей со средним уровнем самооценки существует положительная связь с таким параметром ценностных

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

ориентаций в карьере как интеграция стилей жизни. Положительная связь выявлена между высоким уровнем самооценки и взаимоотношениями с руководством, степенью перегруженности в процессе выполнения своих задач, и такой стратегией принятия решений как сверхбдительность. Отрицательная корреляционная связь у высоко успешных строителей со средним уровнем самооценки выявлена с мотивационным компонентом саморазвития.

Выявлено, что у группы высоко успешных строителей со средним уровнем самооценки существует положительная связь с таким параметром ценностных ориентаций в карьере как стабильность. Положительная связь выявлена между высоким уровнем самооценки и взаимоотношениями с руководством, избеганием, и такой стратегией принятия решений как сверхбдительность. Положительная корреляционная связь у высоко успешных строителей с низким уровнем самооценки выявлена с когнитивным компонентом саморазвития.

Обсуждение результатов

Исследуемая нами в данной статье проблематика приводит нас к заключению, что полученные эмпирические данные обладают безусловной актуальностью и новизной в русле психологического знания и основ менеджмента.

Анализ полученных данных позволяет нам сделать следующие выводы. Уровень самооценки высоко успешных сотрудников строительных компаний может различаться. Уровень самооценки может предопределять специфику проявления психологических особенностей высоко успешных сотрудников строительных компаний.

Полученные в ходе данного исследования данные имеют сходство с представлениями Хьюма С., Надим К. и Афтаб Дж., описывающих психологический капитал человека и строителя в частности (Huma, Nadeem, Aftab, 2017).

Сегодня психологический капитал (PsyCap) стал ключевым компонентом организаций, и рассматривается как стратегический ресурс для достижения конкурентных преимуществ. Установлено, что один из важных подходов к управлению способствует достижению наивысшего уровня прибыльности. Хотя понятие “психологический капитал” и его измерение обсуждались в различных управленческих, клинических и спортивных науках, но в этом исследовании была предпринята попытка расширить эту концепцию с помощью управления проектами. Основываясь на идее позитивной психологии Селигмана и Чиксентмихайи (Seligman, 2002; Seligman, Csikszentmihalyi, 2000), конструкция психологического капитала была впервые представлена и продвинута Лутансом в 2002 году.

Психологический капитал включает в себя набор позитивных психологических способностей, таких как самооценка, самоэффективность, устойчивость и оптимизм (Luthans, Avolio, Avey, Norman, 2007). Основной акцент психологического капитала (PsyCap) показывает одни и те же характеристики среди четырех

измерений и имеет как эмпирическую (Luthans, Avolio, Avey, Norman, 2007), так и концептуальную поддержку (Luthans, Youssef, 2004). Из-за увеличения вакуума и конкурентоспособности в энтузиазме чувства у людей, возникает необходимость изучения и укрепить психологию сотрудников, чтобы справиться с изменением параметров рабочего места.

В более ранних исследованиях сообщается на то, что PsyCap помогает сотрудникам организаций для завершения проекта в срок, и наблюдать, чтобы они были довольны своей текущей рабочей средой (Luthans, & Youssef, 2004; Luthans, & Jensen, 2002; Reich, 2006).

Заключение

Применение метода анкетирования позволило нам проработать и изучить следующие аспекты профессиональной успешности сотрудников строительных компаний: специфика выбора сферы работы в области строительства, степень удовлетворенности занимаемой должностью на данный момент, степень вашей успешности как профессионала в рамках данной строительной организации.

Ограниченность данного исследования заключается в его прикладном характере только для строительных компаний России, поскольку в исследовании были использованы русскоязычные методики. Также необходимо учитывать и контингент респондентов, которые работают на руководящих должностях в различных строительных компаниях России.

Полученные эмпирические данные могут послужить для разработки модели психологических особенностей сотрудников строительных компаний с различным уровнем успешности. В нашем исследовании принимали участие только высоко успешные сотрудники строительных компаний.

В дальнейшем планирует увеличение выборки высоко успешных строителей, а также исследование и вычленение наиболее важных психологических особенностей для сотрудников строительных компаний с различным уровнем успешности с помощью корреляционного анализа. Планируется разработка практических и методических рекомендаций для психологов, работающих в сфере строительства.

Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов.

Литература

- Деркач, А. А. (2004). *Акмеологические основы развития профессионала*. М: Московский психолого-социальный институт.
- Деркач, А. А., Зазыкин, В. Г., Маркова, А. К. (2000). *Психология развития профессионала*. М.: Российская академия государственной службы.
- Зеер, Э. Ф. (2005). *Психология профессий: учебное пособие*. М.: Академический проект.

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Коростылева, Л. А. (2005). *Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере*. СПб.: Речь.

Поваренков, Ю. П. (1992а). *Психологический анализ профессионализации. Психологические проблемы профессионального становления личности*. М.

Поваренков, Ю.П. (1992б). *Критерии профессионализации и формирование структуры профессиональных способностей. Диагностика и способности*. М.

Смирнова, Е. З. (1977). *Пути формирования модели специалиста с высшим образованием*. СПб.: Ленинградский государственный университет.

Ginzberg, E., Ginsburg, S. W., Axelrad, S., Herma, J. L. (1951). *Occupationally choice: An approach to generally theory*. New York: Columbia University.

Holland, Y. L. (1968). *Explorations of a theory of vocational choice. Journal of applied psychology*. Baltimore.

Huma, S., Nadeem, K., Aftab, J. (2017). The impact of psychological capital on project success mediating role of emotional intelligence in construction organizations of Pakistan. *Journal of Global Entrepreneurship Research*, 7, 22. doi: <https://doi.org/10.1186/s40497-017-0080-4>

Luthans, F., Avolio, B. J., Avey, J. B., Norman, S. M. (2007). Positive psychological capital: Measurement and relationship with performance and satisfaction. *Personnel Psychology*, 60(3), 541–572. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.2007.00083.x>

Luthans, F., Youssef, C. M. (2004). Human, social, and now positive psychological capital management: Investing in people for competitive advantage. *Organizational Dynamics*, 33(2), 143–160. doi: <https://www.doi.org/10.1016/j.orgdyn.2004.01.003>

Luthans, F., Jensen, S. (2002). Hope: A new positive strength for human resource development. *Human Resource Development Review*, 1(3), 304–322. doi: <https://www.doi.org/10.1177/1534484302013003>

Reich, J. W. (2006). Three psychological principles of resilience in natural disasters. *Disaster Prevention and Management: An International Journal*, 15(5), 793–798. doi: <https://www.doi.org/10.1108/09653560610712739>

Seligman, M. E. (2002). *Authentic happiness*. New York: John Murray Press.

Seligman, M. E., Csikszentmihalyi, M. (2000). Special issue on happiness, excellence, and optimal human functioning. *American Psychologist*, 55, 5–183.

Schein, E. H. (1996). Career Anchors Revisited: Implications for Career Development in the 21st Century. *Academy of Management Perspectives*, 10(4). doi: <https://www.doi.org/10.5465/AME.1996.3145321>

Super, D. E., Bahn, M. Y. (1971). *Occupational psychology*. London: Tavistock Institute of Human Relations.

References

Derkach, A. A. (2004). *Acmeological foundations of professional development*. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute. (in Russ.).

- Derkach, A. A., Zazykin, V. G., Markova, A. K. (2000). *Psychology of professional development: textbook*. Moscow: Russian Academy of Public Administration. (in Russ.).
- Ginzberg, E., Ginsburg, S. W., Axelrad, S., Herma, J. L. (1951). *Occupationally choice: An approach to generally theory*. New York: Columbia University.
- Holland, Y. L. (1968). *Explorations of a theory of vocational choice*. *Journal of applied psychology*. Baltimore.
- Huma, S., Nadeem, K., Aftab, J. (2017). The impact of psychological capital on project success mediating role of emotional intelligence in construction organizations of Pakistan. *Journal of Global Entrepreneurship Research*, 7, 22. doi: <https://doi.org/10.1186/s40497-017-0080-4>
- Korostyleva, L. A. (2005). *Psychology of personal self-realization: difficulties in the professional sphere*. St. Petersburg: Rech'. (in Russ.).
- Luthans, F., Avolio, B. J., Avey, J. B., Norman, S. M. (2007). Positive psychological capital: Measurement and relationship with performance and satisfaction. *Personnel Psychology*, 60(3), 541–572. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.2007.00083.x>
- Luthans, F., Youssef, C. M. (2004). Human, social, and now positive psychological capital management: Investing in people for competitive advantage. *Organizational Dynamics*, 33(2), 143–160. doi: <https://www.doi.org/10.1016/j.orgdyn.2004.01.003>
- Luthans, F., Jensen, S. (2002). Hope: A new positive strength for human resource development. *Human Resource Development Review*, 1(3), 304–322. doi: <https://www.doi.org/10.1177/1534484302013003>
- Povarenkov, Yu. P. (1992a). *Psychological analysis of professionalization. Psychological problems of professional formation of personality*. Moscow. (in Russ.).
- Povarenkov, Yu. P. (1992b). *Criteria of professionalization and formation of the structure of professional abilities. Diagnostics and abilities*. Moscow. (in Russ.).
- Reich, J. W. (2006). Three psychological principles of resilience in natural disasters. *Disaster Prevention and Management: An International Journal*, 15(5), 793–798. doi: <https://www.doi.org/10.1108/09653560610712739>
- Seligman, M. E. (2002). *Authentic happiness*. New York: John Murray Press.
- Seligman, M. E., Csikszentmihalyi, M. (2000). Special issue on happiness, excellence, and optimal human functioning. *American Psychologist*, 55, 5–183.
- Schein, E. H. (1996). Career Anchors Revisited: Implications for Career Development in the 21st Century. *Academy of Management Perspectives*, 10(4). doi: <https://www.doi.org/10.5465/AME.1996.3145321>
- Smirnova, E. Z. (1977). *Ways of forming a model of a specialist with higher education*. St. Petersburg: Leningrad State University.
- Super, D. E., Bahn, M. Y. (1971). *Occupational psychology*. London: Tavistock Institute of Human Relations.
- Zeer, E. F. (2005). *Psychology of professions: textbook*. Moscow: Academic project. (in Russ.).

Научное издание

Сетевое издание «Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология» - рецензируемое научное издание, публикуется в сети Интернет, не имеет печатной версии и полностью находится в свободном доступе.

Цена распространения: бесплатно
12+

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), номер свидетельства
ЭЛ № ФС 77 – 71604 от 13.11.2017 г.

Учредитель и издатель: Донской государственный технический университет, 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

Адрес и электронная почта редакции: г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1, корпус 8, ауд. 8-307, editor@inov-ppd.ru

**ИННОВАЦИОННАЯ НАУКА:
ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА. ДЕФЕКТОЛОГИЯ
2021
ТОМ 4 № 5**

**INNOVATIVE SCIENCE:
PSYCHOLOGY. PEDAGOGY. DEFECTOLOGY
2021
Vol. 4 Issue 5**

Дата выхода в свет: 30 ноября 2021